РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

**Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви**

№ 1 (20) 2025

Епископ Мефодий (Зинковский), священник Игорь Иванов, священник Михаил Легеев, протоиерей Димитрий Сизоненко, В. Ю. Даренский, М. В. Медоваров, А. Л. Бовдунов, М. П. Бегзос, протоиерей Владимир Гончаренко, И. Б. Гаврилов

Протоиерей Думитру Станилое и румынская православная мысль. Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет»

УДК 271.22(498)-1-9(043.2)
DOI 10.47132/2588-0276_2025_1_12
EDN EEILFG

Аннотация: Публикуются тексты и тезисы докладов, прочитанных 16 ноября 2023 г. на организованном научным проектом СПбДА «Византийский кабинет» дистанционном круглом столе «Протоиерей Думитру Станилое и православная мысль в Румынии», приуроченном к 120-летию со дня рождения и 30-летию со дня кончины выдающегося румынского богослова (16.11.1903–05.10.1993). Рассматриваются темы: богословие личности согласно прот. Д. Станилое, начальный этап становления прот. Д. Станилое как православного мыслителя в связи с его вниманием к вопросам «румынизма», значение наследия прот. Д. Станилое в области экклезиологии, о. Д. Станилое как представитель литургического и евхаристического возрождения XX в., особенности трактовки православной традиции в работах прот. Д. Станилое, перспективы изучения православной мысли о. Д. Станилое в России, критика философских воззрений Лучиана Благи у о. Д. Станилое, издание и изучение наследия о. Д. Станилое в Греции. Отмечается, что прот. Думитру Станилое — один из наиболее крупных и оригинальных православных богословов XX в., при этом он до сих пор мало известен в России и его труды практически не доступны отечественному читателю. О. Думитру видел задачу своего богословия в раскрытии взаимосвязи между догмой и личной духовностью человека, отвечая на запросы современности. Его наследие особенно значимо в области современной экклезиологии — по наиболее глубокому обращению к троической святоотеческой мысли как основанию и прообразу учения о Церкви. Большой интерес представляет полемика о. Д. Станилое с крупнейшим румынским философом Лучианом Благой, как и его взаимосвязи с другими известными национально ориентированными мыслителями минувшего столетия.

Ключевые слова: румынское православие, русское богословие, традиционализм, прот. Думитру Станилое, Лучиан Блага, Никифор Крайник, «Великий Аноним», православная философия, Румыния, ортодоксизм, исихазм, эклезиология.

Об авторах: **Епископ Мефодий (Зинковский Станислав Анатольевич)**
Доктор богословия, кандидат технических наук, ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, профессор института теологии при Санкт-Петербургском государственном университете.
E-mail: m.zink@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5221-544X

Священник Игорь Анатольевич Иванов
Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: igivan74@mail.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0749-8238

Священник Михаил Викторович Легеев
Доктор богословия, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии, председатель Общества современных экклезиологических исследований.
E-mail: m-legeev@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4756-8202

Протоиерей Димитрий Викторович Сизоненко
Старший преподаватель кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии, старший преподаватель Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского.
E-mail: 7134867@mail.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8107-2270

Виталий Юрьевич Даренский
Доктор философских наук, профессор Луганского государственного университета им. Владимира Даля.
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2042-5527

Максим Викторович Медоваров
Кандидат исторических наук, доцент, доцент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.
E-mail: mmedovarov@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9921-2219

Александр Леонидович Бовдунов
Кандидат политических наук, заместитель директора Учебно-научного центра «Высшая политическая школа им. И. А. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: alexander.bovdunov@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4977-0351

Мариос Периклиос Бегзос
Почетный профессор Афинского национального университета, доктор phd философии, почетный декан Богословского факультета.

Протоиерей Владимир Владимирович Гончаренко
Кандидат богословия, доцент кафедры древних языков Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: vegoncharenko@rambler.ru

Игорь Борисович Гаврилов
Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: igo7777@mail.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3307-9774

Для цитирования: Мефодий (Зинковский), еп., Иванов И., свящ., Легеев М., свящ., Сизоненко Д., прот, Даренский В. Ю., Медоваров М. В., Бовдунов А. Л., Бегзос М. П., Гончаренко В., прот., Гаврилов И. Б. Протоиерей Думитру Станилое и румынская православная мысль. Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1 (20). С. 12–42.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 24.12.2024.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1 (20) 2025

Bishop Methody (Zinkovskiy), priest Igor Ivanov,
priest Mikhail Legeev, archpriest Dimitry Sizonenko,
Vitaly Yu. Darensky, Maksim V. Medovarov, Alexander L. Bovdunov,
Marios P. Begzos, archpriest Vladimir Goncharenko, Igor B. Gavrilov

Archpriest Dumitru Stăniloae and Romanian Orthodox Thought. Materials of the Round Table of the Scientific Project of the St. Petersburg Theological Academy "Byzantine Cabinet"

UDC 271.22(498)-1-9(043.2)
DOI 10.47132/2588-0276_2025_1_12
EDN EEILFG

Abstract: The texts and abstracts of the reports given on November 16, 2023, at the remote round table discussion "Archpriest Dumitru Stăniloae and Orthodox Thought in Romania", organized by the St. Petersburg Theological Academy scientific project "Byzantine Cabinet", dedicated to the 120th anniversary of the birth and 30th anniversary of the death of the outstanding Romanian theologian (16.11.1903–05.10.1993), are published. The following topics are considered: theology of personality according to Archpriest D. Stăniloae, the initial stage of the formation of Archpriest D. Stăniloae as an Orthodox thinker in connection with his attention to the issues of "Romanianism", the significance of the legacy of Archpriest D. Stăniloae in the field of ecclesiology, Fr. D. Stăniloae as a representative of the liturgical and Eucharistic revival of the 20th century, features of the interpretation of the Orthodox tradition in the works of Archpriest. D. Stăniloae, prospects for studying the Orthodox thought of Fr. D. Stăniloae in Russia, criticism of the philosophical views of Lucian Blaga by Fr. D. Stăniloae, publication and study of the heritage of Fr. D. Stăniloae in Greece. It is noted that Archpriest Dumitru Stăniloae is one of the most prominent and original Orthodox theologians of the 20th century, although he is still little known in Russia and his works are practically inaccessible to the domestic reader. Fr. Dumitru saw the task of his theology in revealing the relationship between dogma and the personal spirituality of man, responding to the demands of our time. His legacy is especially significant in the field of modern ecclesiology — for the most profound appeal to the trinitarian patristic thought as the foundation and prototype of the doctrine of the Church. Of great interest is the polemics of Fr. D. Stăniloae with the greatest Romanian philosopher Lucian Blaga, as well as his relationships with other famous nationally oriented thinkers of the past century.

Keywords: Romanian Orthodoxy, Russian theology, traditionalism, Archpriest Dumitru Stăniloae, Lucian Blaga, Nikifor Crainic, "The Great Anonymous", Orthodox philosophy, Romania, orthodoxy, hesychasm, ecclesiology.

About the authors: **Bishop Methody (Zinkovskiy Stanislav Anatolyevich)**
Doctor of Theology, candidate of technical Sciences, Rector of Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Professor of Institute of Theology at St. Petersburg State University.
E-mail: m.zink@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5221-544X

Priest Igor Anatolyevich Ivanov
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Associate Professor, Department of Theology at St. Petersburg Theological Academy.
E-mail: igivan74@mail.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0749-8238

Priest Mikhail Viktorovich Legeev
Doctor of Theology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy, Chairman of the Society for Contemporary Ecclesiological Studies.
E-mail: m-legeev@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4756-8202

Archpriest Dimitry Viktorovich Sizonenko
Senior Lecturer of the Theology Department of the St. Petersburg Theological Academy, senior Lecturer of the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.
E-mail: 7134867@mail.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8107-2270

Vitaly Yurievich Darensky
Doctor of Philosophy, Professor of Lugansk State University named after By Vladimir Dahl.
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2042-5527

Maksim Viktorovich Medovarov
PhD in History, Docens, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.
E-mail: mmedovarov@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9921-2219

Alexander Leonidovich Bovdunov
Candidate of Political Sciences, Deputy Director of the Higher Political School named after I. A. Ilyin at the Russian State University for the Humanities.
E-mail: alexander.bovdunov@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4977-0351

Marios Perikleous Begzos
Emeritus Professor of the National University of Athens, PhD in Philosophy, Emeritus Dean of the Theological Faculty.

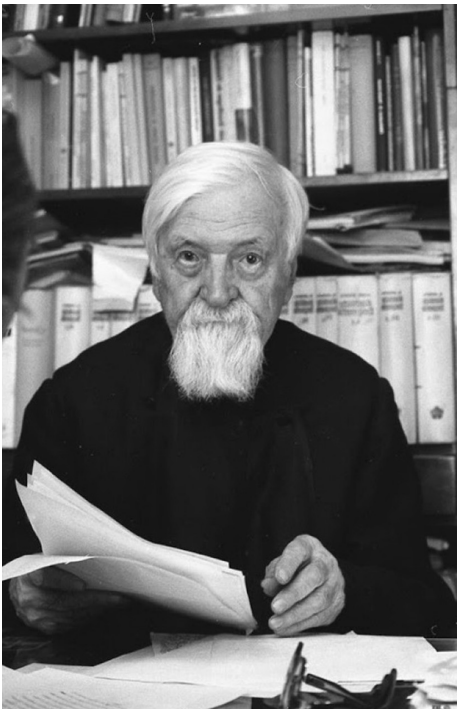
Archpriest Vladimir Vladimirovich Goncharenko
Candidate of Theology, Associate Professor of the Department of Ancient Languages of the St. Petersburg Theological Academy.
E-mail: vegoncharenko@rambler.ru

Igor Borisovich Gavrilov
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.
E-mail: igo7777@mail.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3307-9774

For citation: Methody (Zinkovskiy), bishop, Ivanov I., priest, Legeev M., priest, Sizonenko D., archpriest, Darensky V. Yu., Medovarov M. V., Bovdunov A. L., Begzos M. P., Goncharenko V., archpriest, Gavrilov I. B. Archpriest Dumitru Stăniloae and Romanian Orthodox Thought. Materials of the Round Table of the Scientific Project of the St. Petersburg Theological Academy "Byzantine Cabinet". *Russian-Byzantine Herald*, 2025, no. 1 (20), pp. 12–42.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 24.12.2024.

И. Б. Гаврилов: Жизнь и труды протоиерея Думитру Станилое[1]



Протоиерей Думитру Станилое

Протоиерей Думитру Станилое (рум. Dumitru Stăniloae; 1903–1993) — выдающийся румынский богослов, педагог, профессор, переводчик и комментатор святоотеческих творений, духовный писатель и журналист. В июле 2024 г. Румынская Православная Церковь прославила о. Д. Станилое как священноисповедника вместе с пятнадцатью другими румынскими мучениками, исповедниками и подвижниками благочестия, просиявшими в период безбожных гонений в XX в.

Будущий богослов родился в православной семье в одном из горных сел Трансильвании. Его прадед был священником. До конца жизни Станилое благодарил родителей за то, что они научили его «креститься и кланяться, не осуждать других, научили чистоте и смирению… пробудили… желание проповедовать Христа». Он вспоминал: «Вся жизнь нашего села проходила вблизи Церкви… Общественная жизнь была тесно связана с религиозной. Невозможно было помыслить нормальную жизнь вне Церкви, всегда бывшей рядом с народом, который, в свою очередь, был полностью предан ей. В такой атмосфере я вырос. Церковь значила очень много, она была стержнем

[1] Редколлегия научного журнала «Русско-Византийский вестник» считает необходимым пояснить свою позицию по поводу того, какой вариант русскоязычного написания фамилии Stăniloae [по румынской фонетике: stəniloáje / стэнилоáйе] она считает предпочтительным.

Рассмотрим имеющиеся варианты написания. 1. Стремление формально передать в русском написании «латинизированную» форму окончания «ае» [э] выразилось в виде «Станилоэ» [ста-ни-лоэ] с неудобопроизносимым конечным дифтонгом [оэ]. 2. «Румынизация» написания с сохранением второй буквы «а» привела к появлению конечного трифтонга: «Станилоаэ» [стани-лоáэ] или Стэнилоаэ» [стэ-ни-лоáэ]; вариантами усиленной «румынизации» (с йотизацией) можно считать такие формы, как «Станилоайе» [ста-ни-лоá-йе], «Стэнилоайе» [стэ-ни-лоá-йе], «Станилоае» [ста-ни-лоá-йе] и «Стэнилоае» [стэ-ни-лоá-йе]. Формы же «Станилоайэ» [ста-нилоá-йэ] и «Стэнилоайэ» [стэ-ни-лоá-йэ] с точки зрения русской фонетики немыслимы. В этой связи нужно отметить, что сам строй русского языка предполагает как избегание трифтонгов и дифтонгов, так и четкое чередование слогов. Даже в случае со словом «длинношеее» фонетически мы имеем четкое слогоделение [длин-но-ше-йе-йе]. Иными словами, нормы русской фонетики и графики заставляют нас отклонить варианты с дифтонгами [оа]: «Станилоайе» [ста-ни-лоá-йе], «Стэнилоайе» [стэ-ни-лоá-йе], «Станилоае» [ста-ни-лоá-йе] и «Стэнилоае» [стэ-ни-лоá-йе].

Таким образом, учитывая, что «е» звучит как [йе] и без нарочитого употребления перед ней «й», и принимая во внимание, что в русской фонетике «а» в безударной позиции редуцируется до [ə], то есть без ущерба для произношения дает возможность сохранить некую графическую идентичность написания слога (Stă- — Ста-), мы получаем единственно приемлемый русскоязычный вариант передачи фамилии Stăniloae — «Станилое» [stə-ni-ló-je / стэ-ни-ló-йе]. Именно он принимается редколлегией научного журнала «Русско-Византийский вестник» как предпочтительный. Конечно, редколлегия учитывает иные мнения авторов и, согласно их просьбе, оставляет за ними право в своих материалах предлагать иное русскоязычное написание фамилии Stăniloae. См. также: *Иванов И., свящ.* О современном изучении богословского наследия профессора протоиерея Думитру Станилое // Христианское чтение. 2019. № 4. С. 34.

человеческой жизни. Народ жил в Церкви… Все мои знания о взаимопомощи и понимании пришли от того, что я увидел там, в моей родной деревне. Это благословенное место также научило меня созерцать красоту природы. Помню тот великий день там, когда я начал любить Бога и мир и люблю до сих пор»[2].

С 1922 по 1927 г. Думитру обучался на богословском факультете Черновицкого университета, созданном под влиянием немецких богословских школ. Здесь его живая церковная вера впервые столкнулась с рационализмом схоластики. Станилое увидел огромную пропасть, лежащую между преподававшимся в университете академическим богословием и жизнью Церкви, как он ее знал: «Богословие было слишком академичным. Все было пронизано рационализмом… При чем здесь религиозная жизнь народа? Как я мог обратиться к верующим с тамошними учеными выкладками о Боге? Богословие было наукой, изобилующей метафизическими определениями…»[3]

В 1927–1928 гг. Думитру прошел стажировку по догматике и церковной истории на богословском факультете Афинского университета. Об этом периоде он позднее вспоминал: «Я искал подлинный источник и подлинное выражение православного богословия, и у меня было ощущение, что я найду его у греческих отцов»[4].

Важным приобретением для молодого Станилое стало освоение греческого языка, что дало ему мощный импульс к изучению восточной патристики. По этому поводу впоследствии он писал в предисловии к греческому переводу первой части своей «Догматики»: «Я благодарю Бога за то, что могу вернуть хотя бы малую часть моего долга перед греческим языком, которому я стольким обязан. Язык, который я освоил в Афинах 60 лет назад и который я постоянно совершенствую, позволил мне с самого начала моего служения богословию оказаться внутри живого диалога с греческими отцами Церкви». Тем не менее, он признавался, что и на богословском факультете в Афинах обнаружил все ту же оторванную от реальной духовной жизни сухую наукообразную теологию, что и в Черновцах[5].

В Национальной библиотеке Парижа Станилое открыл для себя неизвестные рукописи свт. Григория Паламы и привез на родину фотокопии заинтересовавших его текстов. Результатом этих паламитских штудий стала монография «Жизнь и учение святителя Григория Паламы» — одно из первых серьезных православных научных исследований, посвященных великому святителю, увидевшее свет в 1938 г.

Продолжая обучение, в ноябре 1928 г. Думитру Станилое приехал в Германию, где познакомился с протестантской диалектической теологией Карла Барта, в которой на первый план выступает фактор личности и личностных отношений человека с Богом. «Я увидел, — говорил позднее о. Думитру об учении Барта, — что это не соответствует православному пониманию, но еще более усугубляет пропасть, расстояние между Богом и человеком. И все же мне удалось извлечь пользу из утверждения о трансцендентности Бога в отношении к человеку и миру. Я связал это с утверждением Григория Паламы о том, что Бога можно найти через прямое взаимодействие посредством Его нетварных энергий»[6].

В 1930-е гг. большое влияние на формирование мировоззрения молодого Станилое оказал румынский богослов, философ и поэт Никифор Крайник (1889–1972). В своей национальной философии Крайник развивал этнократическую теорию, в которой выделял такие главные направления, как любовь к народу, героизм и защита христианства. Крайник отвергал западный модернизм и пытался обратить национальную культуру к ее традиционным христианским истокам, извращенным, по его мнению, западными идеологиями. В основу своей национальной философии он ставил

---

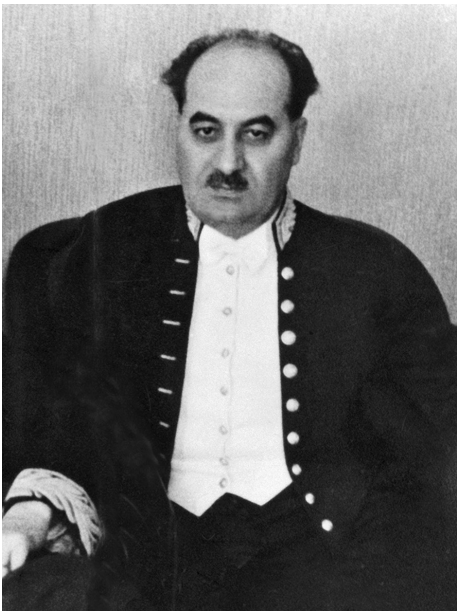
[2] *Коман К., протопр.* Священник Думитру Станилоэ: переводчик, истолкователь и продолжатель святоотеческой традиции // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. Т. 1. М.: ПСТГУ, 2008. С. 73.

[3] Там же. С. 74.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 75.



Никифор Крайник
(настоящее имя — Ион Добре; 1889–1972)

патриархальный мир, полагая, что вся румынская культура исторически неразрывно связана с религией и проникнута созидательной силой православия. Крайник был убежден, что Румыния должна оставаться верной своим традициям, чтобы преодолевать пагубные всесмесительные и разлагающие народную душу тенденции глобализма, навязываемого Западом.

Прот. Д. Станилое неоднократно писал о своем единомыслии с национальной философией Крайника: «В концепции профессора Никифора Крайника доминируют три великие идеи: православие, этнократия и корпоративизм. В них заключается и их посредством защищается автохтонизм румынской нации, ее идентичность в историческом бытии и ее самотождественность на землях, унаследованных народом от своих предков… Православие — это неотъемлемая часть румынской души и культуры. Без него мы рискуем со временем утерять и свою идентичность, и духовную преемственность, мы можем утратить себя как отдельный народ. Православием насыщалась, воспитывалась и формировалась душа нашего народа. Он связан с православием, потому что привязан к себе, своей идентичности и своему прошлому»[7].

Станилое называл Н. Крайника «христианским героем» и написал о нем статью «Герой христианского национализма», в которой раскрыл глубинную связь национальной, церковной и монархической идей в контексте православной народной солидарности: «Христианский национальный солидаризм, увенчанный монархией, не является попыткой пренебречь социальными потребностями нашего времени, но он является социальной доктриной, причем — самой справедливой социальной доктриной. Мало того, что он предлагает лучшие решения для всех социальных проблем, но, что более характерно, — он прививает энтузиазм и пафос, которыми ни одна из иных политических доктрин не может вдохновить народ»[8].

С 1928 по 1944 г. Никифор Крайник руководил авторитетным румынским журналом Gândirea («Мысль»), куда пригласил Станилое в качестве автора. Как отмечает современный исследователь и переводчик наследия о. Д. Станилое, доцент СПбДА, руководитель научного проекта «Византийский кабинет» священник Игорь Иванов, дружба этих национально ориентированных мыслителей длилась многие годы — ее не сломили ни арест, ни тюремное заключение, ни последующие санкции в отношении обоих в период гонений на Церковь в послевоенной Румынии[9].

О. Игорь Иванов рассматривает взгляды Никифора Крайника на материале его еще не переведенной на русский язык книги «Достоевский и русское христианство». Он отмечает, что Крайник считал русского писателя одним из величайших литературных гениев человечества и ставил его в один ряд с Гомером, Вергилием, Данте и др. Философ особенно ценил выраженную в произведениях нашего классика идею познания через любовь, «в силу чего Достоевский является в высшей степени

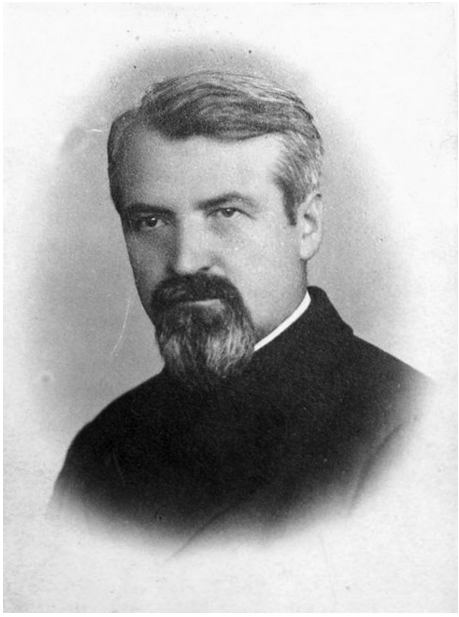
[7] *Иванов И., свящ.* Вопросы национальной идентичности в богословии протоиерея Думитру Станилое // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (13). С. 32.

[8] Там же. С. 35.

[9] Там же. С. 28.

православным мыслителем. Он стоит в ряду великих мистических мыслителей, начиная с Дионисия Ареопагита и до гениального Симеона Нового Богослова»[10].

Любовь к творчеству великого русского писателя и национального мыслителя Ф. М. Достоевского пронес через всю жизнь и прот. Д. Станилое. Еще один исследователь его наследия, профессор Православного богословского факультета Бухарестского университета прот. Георгий Холбя, выступая с докладом в Санкт-Петербургской духовной академии, отмечал, что «отец Думитру очень любил Достоевского. Он показал, что Достоевский был носителем филокалической традиции, проникшей в жизнь Русской Православной Церкви после перевода „Добротолюбия“ на славянский язык. Отец Думитру нашел в творениях Достоевского филокалическую духовность, переведенную в литературу»[11].



О. Думитру Станилое

Англиканский богослов Чарльз Миллер, автор единственной пока переведенной на русский язык книги о Станилое «Дар мира: введение в богословие Думитру Станилоае», изучив его богословско-публицистическое наследие, так охарактеризовал взгляды о. Думитру в межвоенный период: «Период между мировыми войнами, когда Станилое все активнее входил в жизнь Церкви, в Румынии был временем яростной борьбы идей. На фоне столкновений между крайностями традиционализма и модернизма, национализма и интернационализма, православия и „западного материализма“ он еще более глубоко ценил и понимал румынскую православную культуру и богословскую традицию… После публичной дискуссии со своим наиболее ярким оппонентом поэтом и философом Лучианом Благой (1895–1961), который пытался определить сущность румынского духа вне православного религиозного наследия, Станилое получил всеобщее признание»[12].

В течение одиннадцати лет, с 1934 по 1945 г., о. Д. Станилое был главным редактором церковного издания «Румынский телеграф», для которого написал сотни статей, посвященных наиболее злободневным проблемам современности. На страницах «Телеграфа» священноисповедник вел полемику с упомянутым оригинальным румынским мыслителем Лучианом Благой.

С 1 сентября 1929 г. Станилое преподавал догматику, а в июне 1936 г. был назначен ректором Богословской академии в г. Сибиу, оставаясь на этой должности на протяжении 10 лет, до 1946 г.

---

[10] Цит. по: *Гаврилов И. Б.* Художник. Мыслитель. Пророк. 200-летний юбилей Ф. М. Достоевского на страницах изданий СПбДА: ретроспективный анализ и библиографический обзор // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (19). С. 258–276. Более подробно см.: *Иванов И., свящ.* Религиозно-философское мировоззрение Ф. М. Достоевского в восприятии румынского мыслителя Никифора Крайника (1889–1972) // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 2 (14). С. 132–144.

[11] *Георгий Холбя, прот.* О выдающемся румынском богослове XX века протоиерее Думитру Станилоэ. URL: https://spbda.ru/publications/protoierey-georgiy-holbya-o-vydayuschemsya-rumynskom-bogoslove-hh-veka-protoieree-dumitru-staniloe/ (дата обращения: 13.02.2025).

[12] *Миллер Ч.* Дар мира: введение в богословие Думитру Станилоае. М.: Изд-во ББИ, 2021. С. 19–20.

Семья о. Думитру Станилое
с преподобноисповедником
иеромонахом Арсением (Бокой)

Сам Станилое полагал, что одним из наиболее плодотворных периодов его жизни с точки зрения богословско-литературного творчества стали 1938–1940 гг., когда он написал ряд важных книг. Прежде всего, это «Жизнь и учение святителя Григория Паламы» (1938). В паламитском разделении понятий бытия Бога и Божественных нетварных энергий о. Думитру обрел преодоление той пропасти, что образовалась в западной богословской традиции между трансцендентным Богом и миром, между Богом и людьми. В данной работе он подчеркивал, что цель духовного пути, предложенного Григорием Паламой, — обожение, то есть соединение человека с Богом, приобщение к Божественной жизни при помощи Божественной благодати.

В статьях, вошедших в книгу «Православие и румынизм» (1939), Станилое глубоко исследовал соотношение понятий личности и нации. Он рассматривал нацию не как монолитный блок или единый организм, а считал, что она состоит из живых личностей. Одной из главных тем книги выступает национальный идеал: «Идеал нации может быть полностью интегрирован в христианский идеал, и это самая прекрасная цель для нации: духовное, христианское развитие ее сил. Один этот идеал может дать ей силы полностью раскрыть свои национальные дары, реализовать свой национальный идеал. Но это ни в коей мере не приводит к единообразию наций»[13].

Книга о. Думитру «Иисус Христос, или Восстановление человека», вышедшая в разгар Второй Мировой войны, в 1943 г., стала ответом на вызов секулярного антропоцентризма и атеистического экзистенциализма. Она посвящена теме духовного развития человека через встречу со Христом. Станолоэ подчеркивает, что на Литургии люди одной веры объединяются не только с живущими в настоящем веке, но и с отцами и праотцами всей истории.

После окончания Второй Мировой войны самым значительным событием в жизни о. Д. Станилое, равно как и в истории румынского православного богословия XX в., стала публикация его фундаментального трехтомного (около 1350 страниц) труда «Православное догматическое богословие», которая состоялась в 1978 г. в Бухаресте. Сам богослов так писал об этой работе: «В этом полном выражении православной веры я желал сделать ощутимым присутствие Бога Живого в жизни верующих… Я хотел представить здесь образ Бога так, как чувствуем мы, верующие, во время молитвы, — всегда присутствующего и действующего, согревающего наши души Своим присутствием и возводящего на такой высокий уровень духовной жизни, что Он воспринимается нами не только как объект логических рассуждений, отделенных от человека, но как Дух, объединяющий человеческое существо со Своими Животворящими Тайнами. Я также стремился сделать ощутимым присутствие Божие во всем мире, во всей Вселенной, созданной так гармонично, а также во всех делах человеческих в мире, в котором мы живем… Я избегал старых абстрактных и отвлеченных

[13] *Иванов И., свящ.* Вопросы национальной идентичности в богословии протоиерея Думитру Станилое. С. 29.

определений, которыми изобилуют схоластические учебники»[14].

В 1958 г. члены группы «Неопалимая купина», к которой принадлежал прот. Д. Станилое, требовавшие вывода советской армии из Румынии, были арестованы. Станилое также обвинили в принадлежности к «легионерскому движению». Его преподавательская работа была прервана: с 1958 по1963 г. он находился в тюремном заключении. «Я радовался тому, что и мне довелось пострадать вместе с другими священниками и верными сынами Церкви», — писал исповедник.

О. Думитру в зрелые годы

В последние годы собственной жизни главный интерес румынского богослова был сосредоточен на личности Богочеловека Иисуса Христа: «Я настаивал на том, чтобы представить христианам Бога Троицу как Бога любви, а Иисуса Христа — как Сына Божия, воплотившегося и распявшегося за нас, как живое свидетельство любви Бога, Который по Своей совершенной любви создал человека как соучастника общения с Ним, придавая каждой человеческой личности уникальную и непреходящую ценность»[15]. Это нашло отражение в таких его книгах, как «Бессмертный облик Бога» (1987), «Евангельский облик Иисуса Христа» (1992), «Иисус Христос, Свет мира, обожествляющий человека (1993), «Иисус Христос в Посланиях апостолов и у тех, кто приходит к вере» (1993).

Более 45 лет Стэнилоэ работал над румынским переводом «Добротолюбия» (греч. «Филокали́я») в 12 томах (около 6000 страниц) — наиболее полным из всех существующих и снабженным подробнейшими примечаниями. Он — автор комментариев на труды отцов Восточной Церкви, таких как Григорий Нисский, Максим Исповедник, Афанасий Великий и др. Переведенное и разъясненное о. Думитру «Добротолюбие» сыграло громадную роль в сохранении православной веры в десятилетия господства коммунистического режима в Румынии. «Образ жизни, описанный в текстах „Добротолюбия“, — отмечал Станилое, — является исключительно христологическим, это единственный путь, который способствует единению людей между собой и со Христом… дело человека неотделимо от дела Христа. То, что делает человек, он делает не сам по себе, а будучи укрепляем помощью Христа и Святого Духа»[16].

По мнению епископа Мефодия (Зинковского), богословскую систему Станилое можно оценить как цельную и носящую библейский, неопатристический и творческий характер. Он видел задачу подлинного богословия в том, чтобы наглядно показать взаимосвязь догмы и личной духовности, отвечая на запросы современности.

В наши дни прот. Думитру Станилое именуют «патриархом румынского богословия», «богословом Любви», одним из наиболее уважаемых православных богословов минувшего трагического столетия, имевшим огромный авторитет на родине и за рубежом. Его имя стоит в одном ряду с такими выдающимися представителями

[14] *Коман К., протопр.* Священник Думитру Станилоэ: переводчик, истолкователь и продолжатель святоотеческой традиции. С. 78–79.

[15] Там же. С. 80.

[16] Там же. С. 77.

Обретение мощей священноисповедника прот. Думитру Станилое 29 июля 2024 г. с некрополя Черникского монастыря в пригороде Бухареста г. Пантелимон

богословского персонализма и неопатристики, как прп. Иустин (Попович)[17], В. Н. Лосский и прот. Г. Флоровский[18].

Бывший католический монах, принявший православие на Афоне, архим. Плакида (Дезей) свидетельствовал: «Я был лично знаком с тремя самыми выдающимися православными богословами нашей эпохи: с Владимиром Лосским, отцом Иустином (Поповичем) и отцом Думитру Станилое. Должен признать, что они были поистине той же „породы“, что и отцы Церкви. У них была та же концепция богословия, что и у святых отцов. Все трое вели жизнь глубоко духовную и просветленную. Вместе с тем они были очень современными, были в курсе проблем своей эпохи и ее культуры. Сами и посредством своих учеников отец Иустин (Попович) в Сербии, отец Думитру Станилое в Румынии оказали огромное влияние на возрождение христианской жизни в приходах, равно как и на монастырскую жизнь и на преподавание дисциплин на богословских факультетах»[19].

Однако в отличие от прп. Иустина (Поповича), В. Н. Лосского и прот. Г. Флоровского, чьи труды в России сегодня широко опубликованы и продолжают издаваться, прот. Д. Станилое до сих пор мало известен в нашей стране и практически не доступен отечественному читателю на русском языке.

---

[17] *Гаврилов И. Б.* Богословие истории преподобного Иустина (Поповича) в полемике с гуманизмом // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 4 (16). С. 10–34.

[18] «Византийский кабинет» уже проводил круглые столы, посвященные этим выдающимся богословам. См., напр.: *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175.

[19] *Плакида (Дезей), архим.* «Добротолюбие» и православная духовность. М.: ПСТГУ, 2006. С. 300.

Сознавая необходимость привлечения внимания к ценному и перспективному для современной православной богословской и философской мысли наследию прот. Думитру Станилое, научный проект «Византийский кабинет» 16 ноября 2023 г. провел дистанционный круглый стол, приуроченный к 120-летию со дня рождения и 30-летию со дня кончины выдающегося румынского богослова (16.11.1903–05.10.1993). Ниже публикуются тексты и тезисы некоторых докладов, представленных участниками нашего круглого стола.

Епископ Мефодий (Зинковский): Богословие личности согласно прот. Думитру Станилое

1. Главная задача богословия для о. Думитру — выявление взаимосвязи догматических истин и личной духовности в контексте запросов современности.

О. Думитру Станилое, совсем недавно прославленный Румынской Православной Церковью исповедник, плодотворный православный патролог и богослов XX в., признанный, одновременно еще не вполне изученный ввиду политических и языковых трудностей, считал одной из главных задач богословия выявление взаимосвязи догматических истин и личной духовности в контексте запросов современности. О. Думитру можно назвать богословом любви и личного общения, он относится к ярчайшим представителям неопатристики и богословского персонализма, известен как ведущий переводчик и эксперт святоотеческого наследия, комментатор святоотеческих трудов (свтт. Григория Богослова, Афанасия Великого, Григория Паламы, прп. Максима Исповедника, Ареопагитик и др.), догматист с солидным знанием современного богословия и философии. Особенное влияние на его богословие оказали мысли прп. Максима Исповедника и свт. Григория Паламы.

О. Думитру отказался от схоластического метода трактовки догматов как абстрактных формул, вне связи с глубинами духовной жизни. Он говорит о главном Троичном догмате христианства как о находящемся за пределами категориального, логического мышления, в то же время в его многотомном курсе догматического богословия мы находим простой и ясный язык описания этой и других тайн христианства.

2. Решение проблем современного человека — в мысли святых отцов, а не в современных философских исканиях.

Для о. Станилое отправной точкой богословских исканий служили проблемы современного человека, он хорошо был знаком с поисками западных теологов и философов в сфере экзистенциализма и индивидуализма. Осознавая положительные стороны этих поисков, он отмечал их неспособность поставить человеческую личность в правильное отношение к Богу и искал подлинные источник и выражение тайны бытия в святоотеческой мысли.

3. Понятие личности в Боге — центральный концепт богословия о. Д. Станилое: Бог как Сообщество трех Личностей.

Понятие личности представляет собой некую мысленную линзу, сквозь которую прот. Думитру видит Бога, человека и мир. Это понятие — центральное как для его гносеологии, так и для его интерпретации Св. Предания. Принципиально важно, что Бог представляет Собой Личное Бытие, а точнее — бесконечное во времени и пространстве Сообщество трех Личностей.

Все сферы богословия прот. Думитру пронизаны осмыслением понятия личности в онтологическом и сотериологическом смыслах. Творец всего близок нам прежде всего по причине Личностного Бытия и поэтому является одновременно Откровением, остающимся неистощимой Тайной. Также и человеческая личность, созданная по образу Божественных Лиц, способна и призвана быть близкой с Богом и с людьми, но при этом оставаться неисчерпаемой тайной. Христианское богословие изначально

и сущностно персоналистично, и оно определяет интенсивный опыт общения с Богом как триединым Сообществом Личностей как главное призвание человека.

4. Баланс ипостасно-природной онтологии и энергийный аспект богословия общения.

Соотношение личного и природного аспектов Божественного бытия у о. Думитру всегда сбалансировано, он сохраняет баланс неделимого существования личности и природы, не приписывая приоритета ни одному из понятий и утверждая, что избегание схоластическим богословием троичного парадокса и рассмотрение Сущности как причины Лиц ведет к деперсонализации Бога. Божественная Сущность не может быть безличной реальностью, существующей от Себя Самой, таковая реальность своими энергиями подавила бы и разрушила нас.

Полнота жизни в Боге, согласно о. Думитру, состоит в совершенном общении совершенных Лиц. При этом понятие «общение» Лиц и понятия «жизнь», «любовь», «движение» взаимообусловлены. Апофатический динамизм внутри-божественной любви личностен и одновременно природен, осуществляясь в вечном «отдании» Себя каждого Лица Другим, во взаимном утверждении в бытии посредством единой, объединяющей Лица Сущности. О. Думитру описывает «περιχώρησις» Лиц как «круговое вращение» каждого из Лиц вокруг Другого как Своего центра. Ипостаси Троицы как бы прячутся Друг за Друга, ставя Друг Друга вперед и таким образом в каждой из Них видны Другие. Троица есть кульминация смирения и любви. В подобном описании внутри-троичных личностно-природных отношений очевидны близкие параллели с идеями о. Софрония (Сахарова), размышлявшего о возможности приложения термина «кенозис» к тринитарному богословию, что подвергается скоропалительной критике со стороны ряда современных богословов.

Человек, согласно о. Думитру, призван к вечному личному богообщению, имеющему обоснование в вечном единосущии Лиц Троицы и реализуемому посредством энергий, излучаемых общей Природой Троицы. Бог посредством Своих нетварных энергий призывает человека в общение с Собой, что связано одновременно с динамическим и личностным характером энергий. Отсутствие в западном богословии доктрины нетварных энергий объяснимо, по мысли о. Думитру, сложившимся на Западе уклоном в эссенциализм.

5. Личность в христологии, пневматологии и экклезиологии.

Христология, пневматология и экклезиология прот. Думитру пронизаны осмыслением понятия личности в сотериологическом смысле. Высшим моментом Откровения является воплощение Второй Ипостаси Троицы, а Св. Дух открывает творению Сына Божия, воспринявшего человечество. Личность Богочеловека неотделима от дела восстановления падшего человека. Став человеком, Бог, через вторую Свою Ипостась, открыл вечную ценность каждой человеческой личности. Именно Воплощение сделало возможным распространение внутри-троичных отношений личной любви по направлению к человеку. Во Христе мы усыновляемся Богу Отцу, и Дух пребывает в нас постольку, поскольку мы «возведены» в бытие Сына, всыновлены Отцу.

Троичный догмат открывает, что принципом единства является не одна природа и не одна личность, но природное общение между несколькими личностями. Эта мульти-персональность принципа единения относится и к единству Бога с человеком, причем как со стороны Бога (участие всех Трех Лиц в спасении человека), так и со стороны человека (Церковь как общение личностей). Вступление в личные отношения со Христом невозможно вне вступления в Церковь как место действия Св. Духа. Св. Дух вводит в глубины человеческой личности Божественные энергии, объединяющие нас с Сыном, нисходит до уровня человеческого существования, возводя нас на уровень существования божественного, делая нас причастниками сыновних отношений с Отцом, пробуждая нашу восприимчивость к Богу и персонализируя нас,

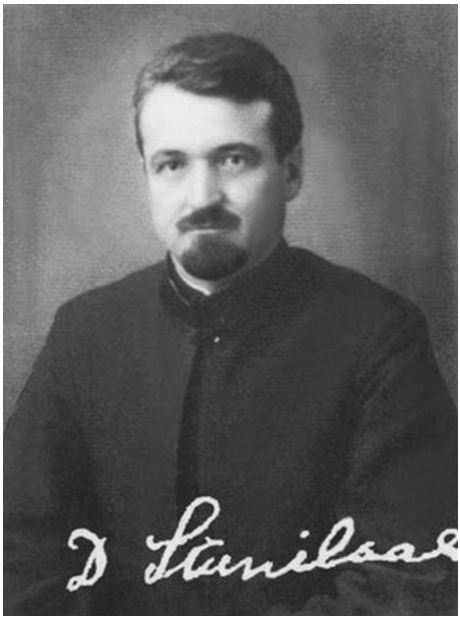
или, как сказал бы вновь вторящий мыслям о. Думитру архим. Софроний, «актуализирует» персональное бытие в нас.

6. Личность в антропологии.

Со-образность человека Богу в личностном образе бытия является отправной точкой для антропологии и для гносеологии о. Думитру, позволяя проводить смелые и актуальные аналогии между свойствами персонального бытия Бога и человека.

О. Думитру рассматривает тайну Божественных межличностных жизни и общения как основу бытия человеческой личности. Принципом общения для человеческих личностей, по образу внутри-троичных отношений, становится существование ради другого, служение другому. Реализация этого принципа обогащает личность человека любовью, свободой и творческим потенциалом.

Все творение антропоцентрично и не имеет смысла и цели вне человеческой личности в ее диалоге с Богом.



О. Думитру в молодости

7. Личностность, бесконечность и таинственность процесса богопознания и обожения.

Догматическая система о. Д. Станилое глубоко и продуманно пронизана бесконечной тайной Божественной межличностной жизни и трудно выразимой тайной человеческой личности. Бог принципиально превосходит наш разум, и Православие всегда останется живым опытом прикосновения к тайнам простых, но главных и необходимых понятий. Богословскую систему о. Думитру можно охарактеризовать как цельную и носящую библейский, неопатристический и творческий характер. Православие через познание радости живого Бога более обладает свойством славословия, чем схоластического теоретизирования.

Синтетическому видению о. Думитру одновременно с подчеркиванием важности деятельной стороны религиозной жизни в личном общении с Богом свойственно признание личного характера и самого рационального пути богопознания. Понятия личности, единства Бога и человека посредством межличностного общения, восходящего к высшим степеням обожения, говорят о бесконечном совершенстве божественной тайны и открывают путь бесконечному и трепетному проникновению в эту тайну.

Священник Игорь Иванов: Начальный этап становления прот. Д. Станилое как православного мыслителя

Думитру Станилое родился 16 ноября 1903 г. в трансильванской деревне Владени и был последним из пяти детей Иримие и Ребекки Станилое. С 1910 по 1916 г. Думитру учился в церковно-приходской школе, а в 1917 г. приехал в г. Брашов (тогда еще австрийский г. Кронштадт) для обучения в православном гуманитарном лицее им. Андрея Шагуны.

С 1922 по 1927 г. Думитру изучал богословие на богословском факультете университета в Черновцах, получая финансовую поддержку от митрополита Николая (Балана), который был правящим архиереем Трансильвании в 1920–1955 гг. Затем Станилое обучался на филологическом факультете Бухарестского университета

(1923–1924 гг.). Вернувшись в Черновцы, он защитил дипломную работу на тему «Крещение детей» (“Botezul copiilor”). Затем, получив годичную стипендию, обучался в аспирантуре на православном богословском факультете Афинского университета (август 1927 — май 1928 г.), по окончании которой защитил (опять в Черновцах) диссертацию на тему «Жизнь и труды Досифея Иерусалимского и его отношения с румынскими княжествами» (“Viaţa şi activitatea patriarhului Dosofteiu al Ierusalimului şi legăturile lui cu Ţările Româneşti”). В ноябре 1928 г. Станилое получил новую стипендиальную поддержку для обучения в Мюнхене, где посещал курсы византолога Августа Гейзенберга и историка Георга Штадтмюллера, а также активно изучал философию и диалектическое богословие. В 1929 г. Станилое учился один семестр в Берлине, посещая курсы профессоров Ханса Литцмана и Райнхольда Зееберга, затем стажировался в Париже и Белграде, занимаясь византологией и догматикой, а также изучением творений свт. Григория Паламы, которое продолжил специально в Константинополе в 1930 г., работая с рукописями в архивах.

Следует отметить, что Д. Станилое принадлежал к тому поколению, на которое возлагались многие чаяния и надежды румынского народа и его лидеров. Стремительная карьера Станилое была бы невозможна без активной поддержки священноначалия и научных кругов. Так, 1 сентября 1929 г. он стал преподавателем Богословской академии Andreiana в г. Сибиу, в 1932 г. получил звание приватдоцента, в 1935 г. — звание профессора, а спустя год был назначен на пост ее ректора (1936–1946). В эти годы Станилое преподавал следующие дисциплины: догматика (1929–1946) апологетика (1929–1932, 1934–1937), пастырское богословие (1932–1936) и греческий язык (1929–1934). Одновременно с академическим служением началось и его служение духовное: 8 октября 1931 г. Думитру Станилое был рукоположен в сан диакона, 25 сентября 1932 г. — в сан священника; а в 1940 г. он был удостоен сана протоиерея-ставрофора.

С января 1934 по май 1945 г. священник Д. Станилое был главным редактором культурно-религиозной газеты Telegraful român («Румынский телеграф»), в которой было опубликовано более 400 его заметок на разнообразные сюжеты культурной, церковной и общественно-политической жизни. Также о. Думитру публиковался в журналах Revista Teologică («Богословский обзор») и Gândirea («Мысль»).

Могила о. Думитру Станилое
в некрополе Черникского монастыря
до обретения его мощей

В 1939 г. вышла в свет его книга «Православие и румынизм», посвященная вопросам сочетания румынской национальной идеи и христианского мировоззрения.

О значении церковно-публицистической деятельности о. Думитру Станилое в 1930–1940 гг. говорит патриарх Румынский Даниил в своем предисловии к первому тому Полного собрания сочинений о. Д. Станилое: «В сотнях своих тематических статей отец Станилое сделал Telegraful român настоящей защитной трибуной духовных ценностей как Румынской Православной Церкви, так и румынской нации и культуры, вдохновленной Православием. Однако установление коммунистического режима в Румынии в 1944–1945 гг. положило конец богатой деятельности о. Думитру Станилое в Сибиу. Его статьи в Telegraful român и в журнале Gândirea, а также сама его достойная личность, не склонная к компромиссам с новым

режимом, сделали о. Думитру Станилое неудобным и нежелательным в глазах политической власти того времени, которая в мае 1945 г. удалила его от руководства газетой Telegraful român».

В 1946 г. о. Думитру Станилое был уволен с поста ректора Богословской академии в Сибиу, однако в 1947–1949 гг. власти ему позволили возглавлять кафедру аскетики и мистики на факультете теологии Бухарестского университета и вести курс догматического богословия.

В заключение обзора можно отметить, что в контексте идейных споров о «Великой Румынии» в межвоенный период о. Д. Станилое включает в понятие «нация» не только единство народа по языку и вере, но и общую связь посредством любви каждого человека к Богу, благословляющему ту или иную нацию, созданную промыслительно для особой миссии в мире. Для Станилое нация имеет онтологическое значение, поэтому не случайно можно встретить такое суждение о его румынизме: «Самая прочная метафизическая основа нации в духе восточного мистического богословия, несомненно, принадлежит отцу Думитру Станилое и содержится в его книге „Православие и румынизм“, подводящей итоги десятилетия серьезных дебатов по этому вопросу»[20].

Священник Михаил Легеев: Значение наследия прот. Думитру Станилое в области экклезиологии

Наследие протоиерея Думитру Станилое особенно значимо в области современной экклезиологии. Значимо — по наиболее глубокому, как видится, из всех богословов прошедшего столетия, обращению к троической святоотеческой мысли как основанию и прообразу учения о Церкви[21].

Так, в XX в., когда начинается время предельных вопросов, связанных с областью экклезиологии, и перед церковной мыслью встают ключевые вопросы: «Что есть Кафолическая Церковь?», «Каково ее внутреннее устройство?» и «Каковы ее отношения с внешним миром?», — все без исключения богословы, пытающиеся ответить на эти вопросы, обращаются к тому, что мы сегодня называем «троический аспект экклезиологии». То есть они пытаются осмыслить догмат о Церкви через призму троического богословия, — осмыслить Церковь прежде всего как подобие Святой Троицы. Это — общий момент для всей современной экклезиологии.

Но происходит это обращение различным образом. Как представляется, ни один из богословов XX в. не охватывает в экклезиологической перспективе все троическое богословие, учитывая все составляющие его аспекты; как правило, каждый из них обращается лишь к одному или в лучшем случае некоторым аспектам.

Бóльшая часть богословов обращается к теме перихоресиса, рассматривая отношения между церковными членами или церковными общинами по подобию образа отношений между Лицами Святой Троицы. Само по себе такое обращение верно. Но на этом пути некоторые впадают в крайности, забывая о других аспектах троического богословия, которые также способны быть отражены в экклезиологии. Можно привести следующий пример. Односторонне гипертрофированным подобный взгляд становится у представителей евхаристической экклезиологии, которые мыслят межобщинный перихоресис в Церкви уже совершившимся, совершенным, не оставляющим пространства для исторического развития, — таким образом не позволяющим мыслить церковную общину частью целого, но наделяющим ее собственным (присущим в силу самого евхаристического характера общины) свойством целостности, или, что то же самое, кафоличности.

[20] *Codrescu R.* Cartea îndreptărilor. O perspectivă creştină asupra politicului. Bucureşti: Ed. Christiana, 2004. P. 109.

[21] См.: *Легеев М., свящ., Иванов И., свящ.* Протоиерей Думитру Станилое. История и троичность // Богословие истории в XX веке: Восток и Запад: монография / Под общ. ред. свящ. М. Легеева. СПб.: Изд-во СПбДА, 2023. С. 166–194.

Помимо тематики перихоресиса, некоторые из богословов XX в. обращаются к таким аспектам троического богословия, как монархия Отца (выступающая прообразом монархии Христа в Церкви) и кинония, или общение, представляющее общий характер личного общения. Среди них можно обнаружить таких полярных богословов, как, например, В. Н. Лосский и митр. Иоанн (Зизиулас), соответственно, с совершенно различными выводами, сделанными из единых посылок общей темы. Такое положение дел показывает, что рассмотрения и этих аспектов троического богословия оказывается все еще не достаточно для решения насущных экклезиологических задач.

Наконец, полагаю, можно указать на трех богословов XX в., которые идут еще дальше в осмыслении догмата о Церкви в его троической — ключевой — перспективе и завершают в этой обращенности перечень троических аспектов: прп. Иустина (Поповича), схиархим. Софрония (Сахарова) и прот. Думитру Станилое. Они, каждый по своему, поднимают вопрос о троической структуре Церкви, о ее подобии внутритроической жизни и отношениям между Лицами Святой Троицы. И прот. Думитру из этих трех человек, как кажется, идет в этом важнейшем для современной экклезиологии вопросе дальше всех.

Обращаясь к святоотеческой мысли XIII–XV вв. (патр. Григория Кипрского, свт. Григория Паламы и Иосифа Вриенния), отец Думитру рассуждает о внутритроических отношениях как предполагающих связь для каждого из Божественных Лиц с двумя другими Лицами. Исходящий от Отца Святой Дух оказывается для него связующим «звеном» для всей Святой Троицы, — исходя через Сына, Он — через Сына же — возвращается к Отцу, скрепляя Отца и Сына «в вечных объятиях». Почивая на Сыне, Святой Дух устанавливает вечную Свою связь с Сыном, а возвращаясь через Сына к Отцу, укрепляет и утверждает связь Сына с Отцом. Исхождение Святого Духа от Отца и Его возвращение к Отцу, отличное от рождения Сына, не дает продолжиться излиянию, порождающему бесконечное число образов, удаляющихся от Отца (например, в приложении к экклезиологии именно такое условно «бесконечное» — неопределенное — число образов, удаляющихся от Христа как главы Церкви, несущего на Себе образ Отца, будет постулироваться в доктрине евхаристической экклезиологии, не чувствительной к данному, рассматриваемому прот. Думитру, важнейшему троическому аспекту экклезиологии).

Таким образом, образ рассмотренных о. Думитру внутритроических отношений становится образом отношений внутри Церкви, когда персона и общинное бытие в Церкви (как первые два компонента, или масштаба, церковного бытия) обретают свою подлинную стабильность через всесобирающий образ действия Святого Духа, собирающего всю Церковь. Образ такого кругового предвечного «движения» оказывается также и образом сложного выхода Святой Троицы к человеку, который не может быть описан простой последовательностью — это положение открывает широкие возможности для развития богословия истории, сегодня выступающего фактически необходимым элементом экклезиологии.

Все сказанное, конечно, — слишком краткие и тезисные замечания, однако они показывают наиболее важную часть богословской работы о. Думитру для современной церковной мысли. Его мысль несет в себе громадные скрытые возможности для развития современной богословской науки и прежде всего в учении о Церкви, раскрытие коего сейчас претерпевает примерно ту же фазу исторического развития, которую переживало само троическое богословие в IV в.

Протоиерей Димитрий Сизоненко: Богословие, озаренное светом Евхаристии

Протоиерей Думитру Станилое — один из выдающихся представителей литургического и евхаристического возрождения XX в., которое подвигло современное православное богословие выйти за рамки рационалистических схем семинарских пособий прошлого, по-новому обратиться к святоотеческой традиции и духовным сокровищам исихазма.

Свою первую статью, посвященную Евхаристии, богослов опубликовал в 1936 г. в газете «Румынский телеграф»[22], в которой он в те годы трудился в качестве главного редактора. Поводом для написания статьи послужила публикация румынского перевода работы прот. Сергия Булгакова «Евхаристический догмат», в которой русский богослов опровергал католическое учение о *пресуществлении*.

Более обстоятельно к этой полемике наш автор вернулся 17 лет спустя в своем первом академическом исследовании по литургическому богословию, посвященном пониманию Евхаристии в православии, католичестве и лютеранстве[23]. В нем он, в частности, выступил против представлений прот. Сергия Булгакова о том, что духовное Тело Христово, являясь нематериальным, обладает способностью становиться материальным. Как настаивает Станилое, победа над смертью через воскресение и восстановление нашего естества из тления в нетление указывает на то, что воскресшее Тело Христово материально и обладает «плотью». Непреложность вочеловечения Сына Божиего означает, что в момент воскресения Его материальность не была утрачена. Наше воскресшее тело будет подобно воскресшему Телу Христа, его природа будет материальной, но совершенно преображенной действием Святого Духа. Опираясь на учение свт. Григория Паламы, наш автор следующим образом толкует слова Христа о том, что *«праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их»* (Мф 13:43): они полностью станут божественным светом, этот свет преобразит и настолько утончит тела праведников, что они вообще перестанут казаться «материей». Далее румынский богослов пишет: «Тело Господне имеет в себе источник света, и оно освещает нашу душу, когда мы принимаем его»[24]. Прославленное Тело Христа присутствует в Евхаристии субстанционально, а не только как энергия, но оно остается недоступным для восприятия органами чувств — подобно тому, как ученики у подножия горы даже не увидели света на горе Фавор, хотя он сиял ярче солнца.

В полемике с прот. Сергием Булгаковым наш автор не принимает интерпретацию термина «пресуществление», основанную на аристотелевском различении в природе вещей субстанции и акциденции. Станилое сопоставляет его с терминами, посредством которых в православном богословии выражается смысл произошедшего в момент Преображения Господня. На горе Фавор произошло не μετουσίωσις человеческой природы Христа в божественную, а μεταμόρφωσις Его человеческой природы под действием Божественного света. В свою очередь, румынский богослов считает вполне допустимым преложение Святых Даров называть «транссубстанциацией», то есть реальным изменением природы хлеба и вина в природу Тела Христова, но ни в коем случае не «трансформацией» в силу нисхождения божественной энергии на хлеб и вино. Таким образом, Станилое выступает за сохранение в православном богословии термина «пресуществление» (греч. μετουσίωσις; лат. *transubstantiatio*) для описания реального и «субстанционального» превращения хлеба в Тело Христово, в отличие от простого нисхождения свыше божественной силы или энергии[25].

Ключевыми в евхаристическом богословии Станилое являются понятия *«жертва»* и *«таинство»*: в Евхаристии Иисус преподает Себя как одновременно распятый и воскресший Господь, а те, кто причащается Его Тела и Крови, умирают и воскресают с Ним онтологически. Совершая Божественную литургию, мы приносим Богу евхаристические дары, самих себя и всю нашу жизнь. В момент эпиклезиса освящаемся и мы, и евхаристические дары, однако участие в Евхаристии как таинстве становится полным и совершенным лишь через причащение Тела и Крови Христовых.

Энергии освященного и освящающего Тела Христова проникают в человеческие тела и преображают их. Наш автор описывает это действие в терминах

[22] *Staniloae D.* Dumnezeiasca Euharistie // Telegraful roman. 1936. April 12. P. 3–4. См.: *Portaru M.* From Transubstantiation to Inner Liturgy. The Eucharistic Doctrine of Fr. Dumitru Stăniloae // St Vladimir's Theological Quarterly. 2022. T. 66. P. 76–77.

[23] *Staniloae D.* Dumnezeiasca Euharistie în cele trei confesiuni // Ortodoxia. 1953. T. 5. P. 46–115.

[24] Ibid. P. 66–67.

[25] Ibid. P. 68.

«евхаристического перихорезиса» и «евхаристической интерсубъектности»: «Христос становится субъектом моих энергий/действий, а я становлюсь субъектом Его энергий/действий во мне. <…> Я соединен со Христом, но в парадоксальной форме диалога. Христос говорит, чувствует и думает в моих словах, чувствах и мыслях. Он поддерживает, питает и возвышает мои энергии/действия; тем не менее, я наслаждаюсь Им как Им Самим, а не как самим собой. Соединение не уничтожает различия»[26].

Отношение к Евхаристии как источнику и средоточию духовной жизни во Христе Станилое выразил посредством понятия *«внутренняя литургия»*, заимствованным из «Добротолюбия». Оно точно выражает внутреннюю сопричастность, которая сокровенным образом связывает воедино общинную жизнь и келейное духовное делание, Евхаристию Церкви и личную внутреннюю литургию каждого христианина, живущего в городе, в монастыре или в отшельничестве. В статье «Литургия общины и внутренняя литургия с точки зрения „Добротолюбия“» румынский богослов приводит размышления св. Марка Подвижника о том, что душа — это храм, а сердце — Святая Святых, *«куда предтечею за нас вошел Иисус»* (Евр 6:20) в таинстве Крещения и куда Он продолжает входить в таинстве Евхаристии. В святилище сердца воздвигнут алтарь как престол надежды, на котором наш ум зарождающиеся в нем помыслы приносит в жертву Богу. Наконец, «очищенный силой Тела Христова, принятого в Евхаристии, наш ум, всецело обращенный ко Христу, сам становится пищей Христа»[27]. Пищу для духовной жизни христианин получает в Евхаристии и, следовательно, в общине; и наоборот, община как общность людей совершает восхождение к Богу благодаря стремлению к совершенной духовной жизни составляющих ее членов. В этом смысле наш автор писал также о *«внутренней литургии»* церковной общины[28].

Станилое проводил четкое различие между «евхаристическим богословием» и «богословием о Евхаристии». В первом случае богослов нисходит в сокровенную глубину собственной души и обращается к Евхаристии как источнику вдохновения, во втором случае он остается, как отстраненный мыслитель, на уровне концептуальных построений, вне духовно преобразующего литургического действия. Такое восприятие богословия как продолжения литургии Церкви, несомненно, имеет много общего с интуицией прот. Сергия Булгакова, который говорил своим близким: «Богословие надо пить со дна евхаристической Чаши»[29].

В. Ю. Даренский: Особенности трактовки православной традиции в работах прот. Думитру Станилое

Среди многообразной проблематики работ прот. Д. Станилое особый интерес представляют его формулировки, в которых он определяет differentium specificum Православия не только как «конфессии», но как особой духовной традиции, имеющей свои особенности содержания и передачи духовного опыта, отличающие его от других форм христианства. Среди его работ, ныне переведенных на русский язык, есть целый ряд таких ценных определений, которые требуют осмысления. Выделим важнейшие из них.

Первая из этих формулировок касается *сущностного холизма* православной традиции, которая обладает изначальной полнотой и завершенностью, и поэтому не только не требует никаких инноваций и «реформ», но принципиально не допускает их как явления, могущие быть лишь разрушительными для этой изначальной полноты. *Все другие формы христианства являются результатом реформ и нововведений, и только Православие — результатом сохранения изначальной полноты.* В этом принципиальное онтологическое отличие Православия от инославия.

---

[26] *Staniloae D.* La liturgie de la communauté et la liturgie intérieure dans la vision philocalique // Contacts. 1982. № 120. P. 309–310. Цит. по: *Portaru M.* From Transubstantiation to Inner Liturgy. P. 93.

[27] Ibid. P. 315–316.

[28] Ibid. P. 308.

[29] *Булгаков С. Н., прот.* Евхаристия. М., 2005. С. 4.

Сам о. Д. Станилое пишет об этом так: «Православие не принесло на свой внутренний алтарь и не допустило проникновения в простые черты своей веры как микроскопические, так и сложные изобретения неких мастеров, охваченных более стремлением к интеллектуальным упражнениям, нежели глубоким и проникновенным трепетом перед таинством отношений между человеком и Богом. Православие не привносило несущественные извороты человеческого мышления в простой по сути вопрос о фундаментальных данных, касающихся таинства спасения… Можно сказать, что оно сохранило свой народный характер… не византийское мышление породило христианскую духовность того периода, а истинное христианское исповедание веры породило византийское искусство» («О некоторых характерных особенностях Православия»).

Два указанные аспекта сущностно взаимосвязаны: защита полноты Откровения от замутнения ухищрениями человеческого разума является и причиной «народного» характера Православия, и его следствием. Здесь сама «народность» поднимается до нового онтологического статуса соборности как источника и гаранта защиты полноты Предания от его разрушения частными мнениями. В свою очередь, такой характер народности основан на том, что полнота Предания хранится воздействием благодати Божией на соборное сознание народа: это происходит потому, что «нетварные энергии действуют на человеческие существа в виде неких умопостигаемых форм (logoi), действенных смыслов, импульсов, направленных к будущим целям в их жизни и мире» («О христианской ответственности»).

В работе «О христианской ответственности» прот. Д. Станилое использует символическую модель «Я-Ты-отношения», созданную в «философии диалога» XX в. для обозначения Бого-человеческого диалога и подлинного межчеловеческого диалога как специфической сферы опыта веры. Таким образом, он отделяет эту сферу как от сферы богословских спекуляций, так и от сферы «переживаний». И то, и другое вторично по отношению к базовому опыту веры. Отделение инославия от Православия трактуется им как результат уклонения от этой базовой сферы. Конечно, это не означает, что в инославии эта сфера исчезает, но она ослабевает, замещается вторичными сферами спекуляций и переживаний, что и порождает в конечном итоге догматические и канонические уклонения от Православия.

Наиболее наглядно это проявляется в различии богослужения: «Разницу между богослужением Православной Церкви и богослужениями других конфессий может ощутить любой, кто поочередно зайдет в места этих богослужений… на протяжении всей Божественной литургии верующие конкретно и глубоко переживают обильное излияние даров — нетварных энергий Духа Святого» («Богослужение Православной Церкви как среда действия Святого Духа на верующих»). На уровне опыта православность состоит в непосредственном получении даров благодати, что выражается во всем строе богослужения, чего нет в других конфессиях.

В основе православного богопознания лежат не индивидуальные переживания и спекуляции, а литургический опыт: «Христос как источник жизни прежде всего познается через литургический опыт. Поэтому богослужение как диалог между Церковью и ее Господом в форме: молитва — сила Божия, — имеет такое важное значение в Православной Церкви» («Святой Дух в богословии и жизни Православной Церкви»).

Исихастский путь, достигающий полноты в монашеском опыте, на самом деле является соборным, поскольку он специфичен для православного познания Бога и преображения человека на всех его стадиях, в том числе и на новоначальных стадиях у мирян. Уже на самых ранних стадиях православный опыт отличается от опыта инославного, поскольку он построен на иной устремленности: «Молитва, совершаемая одним умом, является холодной молитвой, а совершаемая одним сердцем — чувственной, ничего не знающей о том, что Бог нам дал… эта встреча ума с сердцем происходит не через восхождение сердца до ума, а через нисхождение ума в сердце. Это может означать, что находит свой покой не сердце в уме, а ум в сердце или, вернее, в бездне сердца, соединенной с бездной Бога — целью исканий ума… ум, нисшедший

в сердце, встречается с Богом не через идеи, но через ощущение Его присутствия, что позволяет ему убедиться в реальности того, что он мыслит» («Исихастский путь»). Таким образом, уклонения либо в один ум, либо в одну сердечную чувственность и являются изначальными причинами уклонения от Православия. Православность на уровне внутреннего опыта — это «кенозис» ума, нисхождение его в сердце и их взаимное преображение.

В свою очередь, это невозможно на уровне только индивидуального опыта. Православность состоит в том, что первичен соборный литургический опыт, а его индивидуальные переживания — вторичны. Первичность такого литургического богопознания определяется онтологически. Она заключается в том, что «иконы и таинства сохраняют реальный, онтологический образ Божий, которым является Христос, или, если более точно, человечество Христа, всегда пребывающее и действующее в сознании и жизни верующих. Они являются модусами, через которые главный и окончательный образ откровения постоянно воздействует на жизнь людей» («Откровение посредством действий, слов и образов»). Подлинное богопознание рождается только внутри литургического опыта, в котором происходит реальное восприятие даров Духа Святого, и только потом эти дары преображают личный внутренний опыт человека. Таков православный путь богопознания.

Онтологически этот путь богопознания посредством литургического обретения даров Духа Святого обеспечивается тем, что «Православие видит изначальное подлинное состояние человеческой природы в соединении ее с первоначальной благодатью, действующей в этой природе» («Откровение как дар и обетование»). Именно такое состояние живой онтологической связи с неповрежденной человеческой природой (лишь заслоненной, но не уничтоженной первородным грехом) позволят углублять опыт покаяния как борьбы со своей греховностью. Этим объясняются и психологические особенности православных людей, парадоксальным образом сочетающих в себе крайне обостренное чувство греховности, которого нет в западных конфессиях, с особой мирской свободой и жизнерадостностью.

Выделенные здесь аспекты концепции прот. Д. Станилое представляются весьма ценными для понимания специфики православной традиции как особой формы передачи духовного опыта. Они во многом производны от идей русских богословов XX в., однако имеют и свою оригинальность.

М. В. Медоваров: Перспективы изучения православной мысли о. Думитру Станилоае[30] в России

Румынский священник Думитру Станилоае (1903–1993) признан одним из наиболее оригинальных, творческих и плодовитых православных богословов XX столетия. За пределами Румынии его труды особенно известны на Западе и были переведены сначала на французский и немецкий, а затем и на английский языки (стараниями митр. Каллиста (Уэра)). Работавший в России англиканский богослов Чарльз Миллер подробно освещает эту историю переводов и знакомства в своем труде о Станилоае[31], который, однако, до сих пор остается единственной монографией о священнике, переведенной на русский язык. Следует отметить недавнюю рецензию на данную книгу[32], а также появившиеся русские статьи И. Димитрова, И. Резниченко и А. П. Патраковой и даже армянскую статью священника Х. Тарвердяна[33]. В них, как правило,

[30] Сохранен авторский вариант русскоязычного написания фамилии Stăniloae (*Примеч. ред.*).

[31] *Миллер Ч.* Дар мира: введение в богословие Думитру Станилоае. М.: ББИ, 2021.

[32] *Патракова А. П.* Рецензия на книгу: Миллер Ч. Дар мира. Введение в богословие Думитру Станилоае // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. № 45. С. 172–181.

[33] *Димитров И.* Образ и подобие Божие в человеке в антропологии о. Думитру Станилоае // Материалы V Международной студенческой научно-богословской конференции Санкт-Петербургской православной духовной академии: сб. докл. СПб.: Изд-во СПбДА, 2013. С. 315–319; *Резниченко И.* Естественная теология Думитру Станилоае // Acta Eruditorum. 2013. № 13. С. 31–35;

подчеркивается принадлежность Станилоае к линии Ареопагитик, св. Максима Исповедника, прп. Григория Паламы и «Добротолюбия» прп. Паисия (Величковского). Вместе с тем на русском языке до сих пор не изданы никакие труды Станилоае, а говорить о систематической традиции его изучения и даже преподавания в семинариях не приходится. Перевод книги Миллера — отчаянный шаг, за неимением российских монографий по теме демонстрирующий востребованность наследия румынского священника в нашей стране.

Космологическая ориентация теологической мысли Станилоае является тем, что особенно роднит румынское и русское богословие (ср. труды о. Павла Флоренского и о. Сергия Булгакова, а также Мирчи Элиаде), в то время как более «латинское» по окраске и тону учение о. Думитру о жертвоприношении и кресте, достойное лучших размышлений Ж. де Местра, также найдет благодарных последователей в России. Безусловно, антропология Станилоае и его учение о литургии, перекликающееся с мыслями о. Георгия Флоровского и В. Н. Лосского, также займет (и уже занимает) достойное место в случае его осмысления в отечественном богословии.

Наконец, Ч. Миллер, как англичанин, справедливо отмечает некоторые моменты близости между богословием Станилоае и лучшими достижениями англиканского богословия XX в., прежде всего, охотно принимаемого в православном мире К. С. Льюиса (сюда относится и концепция мира как дара Бога, и теория естественного священства). Востребованность данной тенденции подтверждает доклад румынского богослова Богдана-Антониу Дезмана, работающего в Кембриджском центре исследований платонизма, под названием «Обожение в мысли К. С. Льюиса и Думитру Станилоае: сравнительное чтение» на конференции 9–10 ноября 2023 г. в Яссах.

Вместе с тем нужно со всей решительностью подчеркнуть момент, о котором Ч. Миллер предпочел почти не говорить, ограничившись упоминанием ученичества Станилоае у профессора Никифора Крайника (первопроходца в изучении св. Максима Исповедника) и его публичного диспута с философом Лучианом Благой[34]: Станилоае не был одиночкой на фоне своей эпохи. Он — одна из десятков вершин румынской мысли XX в., соратник и современник многих своих великих сверстников, а его мысль — результат необычайно плодотворной философии великого поколения творцов в межвоенной и послевоенной Румынии. Крайник (кстати, приходивший к Н. С. Трубецкому знакомиться с евразийством[35]) был одним из учителей и наставников легионерского движения в Румынии 1930-х гг., наряду с еще одним крупнейшим православным философом, профессором Нае Ионеску, чьи труды были изданы на русском совсем недавно[36]. Не прекращается поток изданий в России сочинений такого всемирно известного религиоведа и писателя как М. Элиаде, который также был выходцем из этого поколения и этого движения. О прямой связи легионеров с исихазмом и паламизмом нам приходилось писать ранее[37]. В последние годы ситуация со знакомством в России с данной традицией улучшилась ввиду издания

Патракова А. П. Понятие соборности в трудах проф. свящ. Думитру Станилоае // Сретенские чтения. Материалы XXIII научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2017. С. 175–181; *Ее же.* Свойства человеческой личности в богословской антропологии свящ. Думитру Станилоае // Сретенские чтения. Материалы XXIV научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018. С. 97–105; *Тарвердян Х., свящ.* Христос и Его Церковь в богословии Думитру Станилоэ // Регион и мир. 2020. Т. 11. № 3. С. 128–132.

[34] *Миллер Ч.* Дар мира: введение в богословие Думитру Станилоае. С. 20–21.

[35] *Соболев А. В.* О русской философии. СПб.: Міръ, 2008. С. 379.

[36] *Ионеску Н.* Искушение метафизикой. М.: Тотенбург, 2021.

[37] *Медоваров М. В.* Политическое измерение исихазма в поздней Византии и в новейшей истории России // Развитие и экономика: научный и общественно-политический альманах. 2012. № 4 (сентябрь). С. 192–201; *Его же.* Исихазм и Империя: от Византии к России // Дамаскин: журнал Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 2 (43). С. 4–14.

трудов как К. З. Кодряну[38] и Х. Симы, чья написанная в Испании в 1977 г. книга является образчиком самого строгого православного богословия[39], так и их менее известных соратников[40]. Новые монографии А. Г. Дугина[41] и А. Л. Бовдунова[42] ставят важные методологические вопросы об оценке «румынского возрождения» как уникального в истории всей Восточной Европы взлета мысли мирового значения, добившейся как минимум в лице Элиаде и Чорана, Вальсана и Ловинеску действительного признания за рубежом.

На этом фоне отсутствие русских переводов книг Станилоае и отечественных монографий и диссертаций о нем начинает выглядеть поистине странным белым пятном, зиянием, которое должно быть восполнено как можно скорее. Таким образом, предпосылки для полноценного прихода в Россию наследия Станилоае и его усвоения уже созданы. Отныне дело за их реализацией.

А. Л. Бовдунов: Критика философских воззрений Лучиана Благи у о. Думитру Станилое

1. Введение: место Лучиана Благи в румынской философии.

Мирча Элиаде как-то писал, что Лучиан Блага стал первым философом после Гегеля, кто имел смелость создать учение, касающееся всех аспектов систематической философии[43]. Принимая во внимание, что автором похвалы был друг философа, стоит признать: Лучиан Блага — поистине выдающаяся фигура в истории румынской философии. Он смог создать уникальную и своеобразную философскую систему, имеющую некоторое родство с немецким идеализмом и германской философией в целом, однако непохожую на остальные философские концепции XX в.

Лучиан Блага — ключевая фигура румынской философии, в творчестве которого ярко проявляются следующие ее характерные свойства (те, что мы можем явно вычленить и у других румынских философов межвоенного периода, таких как уже упомянутый Элиаде, Эмиль Чоран, Нае Ионеску):

1. Принципиальная обеспокоенность несовершенством, ущербностью мира и человека (проблема грехопадения);

2. Неудовлетворенность позитивистскими представлениями о познании, лежащими в основе модернистского научно-философского дискурса. Поиск иных логик познания;

3. Осмысление феномена крестьянства и народного, крестьянского логоса, его структур, мировоззрения;

4. Поиск констант и отличительных особенностей православной цивилизации (при всей возможной гетеродоксальности собственных философских воззрений).

В центре системы Лучиана Благи лежит гипотеза и философский миф «Великого Анонима». «Великий Аноним» по Благе — это метафизический центр, который есть нечто иное, чем мир, — принципиально непознаваемый и другой по отношению к этому миру. В «Космологической трилогии» — завершающей части своей метафизики — Блага определяет «Великий Аноним» как «экзистенцию, которая держит

[38] *Кодряну К. З.* Моим легионерам. Тамбов: Ex Nord Lux, 2009; *Его же.* Тюремные записки. М.: Тотенбург, 2017.

[39] *Сима Х.* Легионерская доктрина. М.: Тотенбург, 2023.

[40] *Мутти К.* Мирча Элиаде и «Железная гвардия»: Румынские интеллектуалы в окружении «Легиона Михаила Архангела». М.: Тотенбург, 2020; *Гет И., Горноскуль Ю., Мельшин Е.* Дом с зеленой крышей. М.: Сеятель, 2022. В ближайшее время ожидается издание русского перевода книги В. Ловинеску «Гиперборейская Дакия».

[41] *Дугин А. Г.* Ноомахия: войны ума. Неславянские горизонты Восточной Европы: песнь упыря и голос глубин. М.: Академический проект, 2018. С. 272–332.

[42] *Бовдунов А. Л.* Великая Восточная Европа: Геополитика. Геософия. Третий традиционализм. М.: ЯСК, 2022.

[43] Цит. по *Jones M.* Culture as Religion and Religion as Culture in the Philosophy of Lucian Blaga // Journal for the Study of Religions and Ideologies. December 2006. Vol 5, Issue 15. P. 66.

нас на периферии, отрицает нас, ставит нам пределы, но благодаря которой существует любая другая экзистенция[44]». Однако первая встреча с ним происходит в другой области — гносеологии.

Лучиан Блага (1895–1961)

2. Философская система Л. Благи.

В 1930-х Блага выстроил план-схему своего метафизического здания в рамках четырех трилогий: «Трилогия познания», «Трилогия культуры», «Трилогия ценностей» и «Космологическая трилогия». «Трилогия познания» шла первой как с логической, так и с диахронической точки зрения. Входящие в нее работы: «Догматический эон», «Люциферианское познание» и «Трансцендентальная цензура» были опубликованы раньше остальных, вошедших во вторую, третью и четвертую трилогии. В отличие от других частей, которые к моменту концептуального оформления философского корпуса Лучиана Благи еще не были дописаны (вышли только первые книги будущих трилогий), «Трилогия познания» была уже сформирована первой. Таким образом, сфера познания — это именно та область, исследуя которую Лучиан Блага и пришел к гипотезе «Великого Анонима».

В центре «Трилогии познания» — парадокс, стремление человека к получению абсолютного знания и невозможность его получить. Причина, по Благе, — в «Великом Анониме». «Великий Аноним» — это абсолютный и самодостаточный центр бытия, порождающий все сущее, но с ним не сливающийся. «Великий Аноним» — это Абсолют по преимуществу. Основываясь на трансцендентальной философии Канта, Блага заявляет о невозможности для человека постичь и понять знания, предшествующие чувственным данным (информации, основанной на восприятии), из-за ограничения, налагаемого «Великим Анонимом», — трансцендентальной цензуры.

Абсолютное, полное и действительное познание сделало бы из человека еще один Абсолют, что и невозможно, и опасно. Абсолют может быть только одним. Отсюда и возникает трансцендентальная цензура как инструмент самозащиты «Великого Анонима» от человека. Аппарат познания выстроен так, что человек не способен с его помощью раскрыть тайны мира и заместить «Великого Анонима». В целом человеческое познание не может не быть ограниченным, так как иначе такой человек заместил бы Бога.

По Благе, есть два типа сознания. «Парадиазиакальное» («сознание 1») — работает только с непосредственно данным, создает на своей периферии мир объектов, с которыми работает, считая их объективными и не сомневаясь в собственных когнитивных стратегиях по работе с этим миром. Так в мире существуют животные или машины — в горизонте непосредственно данного.

«Люциферическое» сознание (Блага использует провокационный термин), или «сознание 2», видит, что с миром что-то не так, что за горизонтом непосредственно данного есть тайна, которую это сознание и стремится раскрыть. Это исток того, что отличает человека от животного, — обнаружение, что за горизонтом *этого* есть нечто *другое*, за имманентным — трансцендентное.

[44] *Blaga L.* Trilogie cosmologica. Bucureşti: Humanitas, 1997. P. 19.

И одновременно в обнаружении мира тайны и в стремлении раскрыть ее кроется опасность, опасность для «Великого Анонима» и мира в целом. Неслучайно Блага использует прилагательное «люциферический» для описания этого типа сознания (и познания) — это отсылка к обещанию Змея Адаму и Еве — вкусить с древа познания и стать «как боги». Внутренняя пружина человеческого стремления к раскрытию всех тайн мира — стремления к абсолютному знанию — люциферическая гордыня, неосознанное желание заместить собой Абсолют, стать «как боги». Его результатом, не будь трансцендентальной цензуры, было бы замещение человеком «Великого Анонима», что вывело бы бытие из равновесия и привело к «теоанархии»[45].

В традиционной христианской философии несовершенство мира и человека, неспособность приблизиться к Богу — это следствие первородного греха и изгнания из рая. Более того, в учении Церкви есть и представление о том, что такое ограничение для человека в его падшем состоянии — благо. Как утверждал еще св. Ириней Лионский, «Он (Бог) задержал грех, полагая смерть и прекращая грех, и полагая ему конец чрез разрушение плоти, которая должна быть в земле, дабы человек, некогда переставая жить для греха и умирая ему, начал жить для Бога[46]». Человек, склонный ко греху, если бы жил вечно и обладал бесконечным могуществом, грешил бы бесконечно и продуцировал бы бесконечное зло.

В центре внимания Благи — та же проблема. Но решает ее он иначе. Через гипотезу нещедрого и ограничивающего человека божества. Однако парадоксальный, люциферианский характер стремления к бесконечному знанию человека (в его нынешнем, извращенном и грешном, состоянии) понимает и он. Более того, это сближение показывает, что, несмотря на свое неортодоксальное и парагностическое (но без рассмотрения «Демиурга» как злого начала) представление о Боге, Блага остается аффектированным христианством.

Однако именно такое сознание открывает в мире иное измерение, измерение тайн («мистериальный горизонт», или горизонт тайны), пытаясь раскрыть которые, оно осознает свою беспомощность в обретении позитивного знания.

По Благе, столкнувшись с перспективой невозможности полноценного познания, сознание человека может попытаться остаться на месте (признать принципиальную непознаваемость проблемы — «нулевое познание»), может попытаться ее позитивно разрешить, «смягчить» («плюс-познание», на самом деле фиктивное), а может сознательно пойти по пути радикализации тайны как тайны («минус-познание»). Такое познание основывается на «экстатическом интеллекте», который, в отличие от «энстатического», работает не в рамках структур формальной логики, а в режиме антиномий и постоянных противоречий, в выходе за пределы логики, в том числе в области теологии[47].

Еще одно важное понятие философии Благи (на сей раз философии культуры) — софианство (в России иногда используется термин «софианизм»). Это особая ориентация православной культуры, которой свойственно представление о мягком и последовательном спуске трансцендентного («нисходящее трансцендентное») в имманентное, их взаимопроникновении[48].

Румынский философ вводит этот термин, отталкиваясь от двух, как он считает, проявлений софийного (sofianicul): архитектуры собора Святой Софии в Константинополе и русской софиологии[49]. Термин «sofianicul», однако, можно переводить и как «софийное» или даже «софийность». Блага заимствовал понятие Н. Крайника, который в статье «Теологический смысл красоты»[50] так перевел слово «софийность»

[45] Ibid. P. 30.

[46] *Ириней Лионский, св.* Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 315.

[47] *Blaga L.* Trilogia cunoaşterii. Bucureşti: Humanitas, 2013. P. 320–334.

[48] *Blaga L.* Trilogia culturii. Bucureşti: Editura pentru Literatură Universală, 1969. P. 155.

[49] Ibid. P. 162–182.

[50] *Crainic N.* Sensul teologic al frumosului // Gândirea. 1932. XII. № 7–9. P. 311–319.

во фразе о. С. Булгакова «*София открывается* в *мире* как *красота*, которая есть ощутимая софийность *мира*»[51].

3. Критика Станилое.

Концепция «Великого Анонима» не могла не вызвать критики со стороны православных теологов. Представления о «божестве» в философской концепции Благи, которые тот развивал с 1930-х гг., радикально отличались от того, как христиане понимают Бога и его отношения с миром.

В 1942 г. о. Думитру Станилое, которому в будущем предстояло получить известность в качестве наиболее авторитетного румынского теолога XX в., опубликовал книгу «Позиция господина Лучиана Благи в отношении христианства и православия»[52]. Работа эта интересна тем, что критика концепции Благи ведется изнутри его собственного философского дискурса.

Так, один из тезисов о. Думитру тот же, который использует сам Блага по отношению к русской софиологии. Для Благи характерное для о. Сергия Булгакова отождествление Софии с энтелехией, душой и жизнью мира[53] недостаточно «софианистично». Если для античных греков (понятых через призму европейской традиции осмысления греческой философии) энтелехия достигает кульминации в биологической красоте, в формальной, телесной полноте существ, то, с точки зрения Благи, «энтелехия в христианском смысле не может иметь этой кульминации физического порядка, она направляет существ к духовному преображению, к ритуальному отношению»[54], к соучастию в молитве. Поэтому булгаковское чисто «жизненное» понимание «энтелехии» недостаточно «софианистично». «Русские мыслители направили спекуляции вокруг Святой Софии по не совсем софийной линии»[55], — утверждает Блага.

Той же самой линии критики, но уже в отношении самого Благи, придерживается о. Думитру Станилое. Блага сам назвал важнейшим свойством румынской стилистической матрицы софианистическую ориентацию: трансцендентность, которая спускается в мир как дар, ничего не требуя взамен. Однако концепт «Великого Анонима» строится на прямо противоположном посыле: отвержении философским Абсолютом мира и человека, нежелании делиться с ним своими тайнами. Исходя из анализа румынской культуры, который предпринял сам же Блага, его философия должна быть признана чуждой духу его же собственного народа.

По словам о. Думитру Станилое, обращаясь к размышлениям Благи о «Великом Анониме», «мы обнаруживаем, что его облик и поведение противоречат православному представлению об Отце, Который взыскует и нисходит к творению. В особенности это противоречит той односторонней форме, в которой Его изобразил г-н Блага, как трансцендентность, нисходящую даже без усилий самого существа»[56]. Сам же Блага противопоставлял русской софиологии, смысл которой в поиске моста между трансцендентным и имманентным, немецкую протестантскую «диалектическую теологию»[57], которая, напротив, проблематизирует отношения Бога и человека. О. Думитру Станилое согласен с этим, однако считает концепцию самого Благи порожденной именно этим, немецким, духом.

«Философия г-на Благи, как видно, несет на себе не только печать немецкой философии, но и немецкого протестантизма, — писал теолог, — <…> господин Блага относительно правильно увидел фундаментальную особенность православия

---

[51] *Булгаков С. Н.* Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 263.

[52] *Staniloae D.* Poziţia domnului Lucian Blaga faţă de creştinism şi ortodoxie. Sibiu: Tiparul Tipografiei Arhidiecezene, 1942. В дальнейшем цитируется по: *Staniloae D.* Poziţia domnului Lucian Blaga faţă de creştinism şi ortodoxie. Bucureşti: Paideia, 1993.

[53] *Булгаков С. Н.* О Богочеловечестве. Невеста Агнца. Ч. 3. Париж: YMCA-Press, 1945. С. 89–144.

[54] *Blaga L.* Trilogia culturii. P. 181.

[55] Ibid.

[56] *Staniloae D.* Poziţia domnului Lucian Blaga faţă de creştinism şi ortodoxie. 1993. P. 96.

[57] *Blaga L.* Trilogia culturii. P. 170.

в оптимистическом уповании на добрую волю Бога, Который не оставляет человека, но приходит к нему с помощью и спасением. Но когда он начал строить свою собственную систему, он противопоставил себя этому видению. Православие — софианистично, по его собственному выражению. Сконструированный им философский миф является антисофианистичным»[58].

Принципиальными моментами философии Лучиана Благи, с которой о. Думитру Станилое не может согласиться, являются: представление о Боге (в форме «Великого Анонима») как о жадном и завистливом существе, его нещедрость; пессимизм в отношении способности человека войти в контакт с трансцендентным, из чего вырастает и неспособность поверить в Богочеловека Христа и прямое заявление об этом в своих трудах. Как христианин, о. Думитру не может принять эти утверждения и опровергает их с помощью традиционных приемов христианской и православной апологетики. Одновременно о. Думитру объявляет философскую концепцию Благи «вредной», так как в ней якобы отсутствует активистский дух к преобразованию общества. Сам же теолог считал необходимым бороться за такие изменения на основе православной этики[59].

4. Заключение: возможность пересмотра критики Станилое.

Однако есть в критике о. Думитру Станилое и другие моменты, делающие ее более нюансированной и позволяющие, вопреки позиции самого же теолога, не отвергнуть Благу, а творчески отнестись к его наследию.

Крайне интересно, например, обращение о. Думитру к экзистенциальной философии, а именно — к Хайдеггеру. По мнению православного теолога, Блага понимает «трансцендентное» слишком просто — как «недетерминированное присутствие». В то же время в религиозном опыте, что отмечает и сам Блага, человек присутствует «тотально», во всей своей полноте. С точки зрения о. Думитру Станилое, человек в целом пробуждается к «собственной сокровенной самости» — тут он использует термин Хайдеггера — zu seiner Eigentllchkeit, который обычно переводят как «аутентичность», — «т. е. к состоянию существования, которое есть также состояние истинного и страстного знания того, что он есть, — только тогда, когда он осознает свою границу в целом»[60]. Тотальность и аутентичность человеческого присутствия в мире осознаются им перед лицом смерти, понятой как граница человеческого. Однако для о. Думитру это и есть встреча с настоящим трансцендентным. То есть она возможна лишь при аутентичном экзистировании Dasein, по Хайдеггеру, которое есть бытие к смерти. Трансцендентность или имманентность, собственная смертность — это не просто концепты, это живой и одновременно травматичный опыт. Однако не травматичным ли является открытие «люциферическим» сознанием невозможности постижения тайн мира? В оптике самого о. Думитру здесь появляется возможность опыта трансцендентного, «тотальности». Более того — такой опыт он видит и у самого Благи. Для Благи этот опыт — это опыт тайны, раскрывающейся как еще бо́льшая тайна. Однако, как подчеркивает о. Думитру Станилое, Блага различает «аутентичное» и «неаутентичное» познание. И первое — это «минус-познание», углубление тайны. Однако если оно возможно (не позитивно, а через внутреннее осознание границы), то не значит ли это, что «Великий Аноним» все же желает определенной реализации человеческого духа, пускай и нелинейно и парадоксально?[61]

Более того, сам же о Думитру признает, что пессимистический пафос философии Лучиана Благи вполне адекватен для описания мира после человеческого грехопадения и для отношений вне христианской Церкви. Лишь в Церкви человек получает возможность вступить в полноценные взаимоотношения с трансцендентным, вплоть до приобщения к Божеству по благодати. Вне Церкви любое познание или попытка

[58] *Staniloae D.* Poziţia domnului Lucian Blaga faţă de creştinism şi ortodoxie. P. 97.
[59] Ibid. P. 98–99.
[60] Ibid. P. 71–72.
[61] Ibid. P. 62–63.

постигнуть тайны мира могут заканчиваться лишь крахом и пониманием, что единственное знание — это знание о невозможности знания[62].

Однако, при чрезмерном подчеркивании «активизма» и ориентации на «реальность», можно перейти от активистского пафоса преобразования мира на христианских началах к откровенному титанизму. О. Думитру Станилое критиковал Благу в 1942 г., когда Румыния входит в блок стран Оси, охваченных именно таким активистским пафосом. Сам о. Думитру оказался захвачен им, оправдывая в том числе действия пронацистского румынского руководства в отношении евреев и цыган[63].

В таком контексте упрек к философской системе Благи в том, что она не соответствует «современному духу» (1920-х — 1940-х), что это «дух», который сталкивается с «проблемами и ответственностью перед обществом и ближними»[64], не имеет ничего общего с философией Благи, — перестает быть упреком. Ориентация Благи на измерение трагического, на неприятие догматических систем, в том числе идеологических, антитехницизм его культурологической концепции (культура как ориентация человека на трансцедентное измерение тайны в противовес имеющей лишь утилитарное значение технике), — сделали невозможным восторженное принятие тоталитаризма: неважно правого или левого.

Блага и его «пессимистский» дух важны для переоценки неудавшейся православной революции в Румынии, которую ожидали многие авторы межвоенного периода. Не менее важны и те аспекты философии Благи, которые о. Думитру Станилое считает возможным рассмотреть как частично приемлемые в рамках православного мировоззрения и даже углубляющие понимание определенных его сторон.

Наконец, сам же о. Думитру Станилое отмечает, что культурология Благи, его концепт стилистической матрицы, как сложного пересечения категорий народного бессознательного, применительно к Румынии, должен вести к выводу в пользу православия как единственно возможной формы духовной реализации румынского народа: «В реальности, в конкретности, религиозность в человеке всегда существует вместе с его стилем, как одно целое: религиозность румынского народа в конкретном виде выражается только в православии. Румынская сущность имеет православную форму. Православие — это наша глубина. То, что оно наше, не значит, что можно вообразить, что это мы его создали и можем обойтись и без него, или заменить каким-то аналогом, или оставить это место свободным. Без этой глубины у нас больше не будет ничего нашего. Мы потеряем самих себя»[65].

М. П. Бегзос, священник Владимир Гончаренко: Станилое в Греции

Отец Думитру Станилое (1903–1993) является весьма известным в Греции современным румынским богословом. Он относится к триаде самых знаменитых и уважаемых представителей современного богословия из числа ученых негреческого происхождения. В данном случае речь идет о святом Иустине (Поповиче) из Сербии, о. Георгии Флоровском из России и о. Думитру Станилое из Румынии.

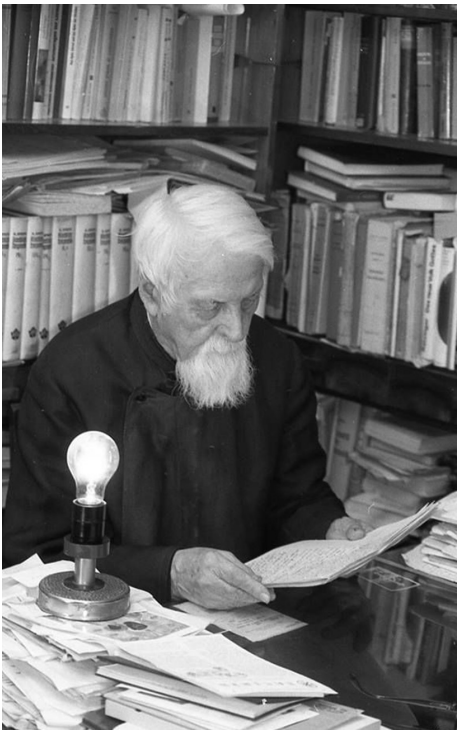
Он учился на Богословском факультете Афинского университета в аспирантуре (1927–1928). О. Думитру был знатоком греческого языка и древних рукописей — так, что мог исследовать рукописи творений свт. Григория Паламы на Святой Горе Афон и переводил «Добротолюбие» с греческого на румынский язык. Кроме того, он перевел ряд других святоотеческих творений. Его прекрасное владение греческим языком было очевидным — как письменное, так и устное, особенно когда он беспрепятственно проповедовал для грекоязычной аудитории с изяществом и красноречием.

[62] Ibid. P. 93.

[63] *Bogdan C.* Omorul serafic (II) Cazul Stăniloae. URL: https://revista22.ro/cultura/omorul-serafic-ii-cazul-stniloae (дата обращения: 10.01.2023).

[64] *Staniloae D.* Poziţia domnului Lucian Blaga faţă de creştinism şi ortodoxie. P. 98.

[65] Ibid. P. 18.



Отец Думитру Станилое

Кроме переводов и издательства греческих письменных источников богословия «Добротолюбия», о. Думитру Станилое был признан в греческих богословских кругах как образец для ученых 1970-х гг.

Инициатором знакомства греческих богословов с наследием о. Д. Станилое был профессор Панайотис Неллас (1936–1986) — доктор богословия Афинского университета, автор диссертации о св. Николае Кавасиле (1975), издатель и директор передового богословского журнала «Синаксис», ответственный редактор по изданию в Элладской Церкви серии святоотеческих текстов «От истоков».

Работая над этой серией, П. Неллас пригласил о. Думитру Станилое к сотрудничеству и попросил написать богословское введение и задать тон неосвятоотеческому богословию в тех произведениях, которые он избрал для издания. Первым произведением была «Мистагогия святого Максима Исповедника» (1973, издание «Апостолики диакония», с переизданиями вплоть до 1997 г.). Следующим произведением стали «Философские и богословские вопросоответы святого Максима Исповедника» (1978, «Апостолики диакония», с переизданиями до 2002 г.).

Вклад о. Д. Станилое был значительным — он прикладывал огромные усилия и смог оказать громадное положительное влияние на греческое богословское читательское сообщество в деле освоения им неосвятоотеческого богословия и исихастской традиции «Добротолюбия».

Издательские дома в Афинах и Салониках в течение 30 лет проводили большую работу по изданию переводов трудов самого о. Д. Станилое, которые были востребованы богословски заинтересованным обществом. В 1970-х гг. были изданы перевод книги о. Д. Станилое «Крест и радость в жизни монахов» (1973, издательство Афинской Архиепископии), а также его работа «О православном экуменизме» (1976, Афон, «Стамули»). В последующее десятилетие количество переводов на греческий язык произведений о. Д. Станилое увеличилось. Особо хочется отметить книги «Богословие и Церковь» (1989, «Тинос»), «Бог, мир и человек. Введение в православное догматическое богословие». (1990, «Армос») и «Православие» (1995, «Тинос»).

В третьем тысячелетии, в XXI в., в Афинах (издательства «Армос», «Маистрос», «Ен Пло») и в Салониках (издательства «Пурнарас», «Барбунакис») продолжается издание переводов трудов о. Думитру. Особенно популярны следующие его книги (привожу издания в хронологическом порядке):

1. «Бог есть Любовь» (2000, «Пурнарас»);
2. «Молитва и свобода» (2009, «Ен Пло»);
3. «Победа Креста» (2010, «Маистрос»);
4. «О божественном православном христианском обучении» (2011, «Армос»);
5. «Непорочное девство Пресвятой Богородицы и сознание мира» (2014, «Барбунакис»);
6. «Святой и Великий Собор Православной Церкви» (2014, «Барбунакис»);
7. «Богородица. Новые догматы Римо-Католической Церкви и православный ответ на них» (2015, «Барбунакис»).

Высшие богословские школы Афин и Салоник наградили о. Думитру Станилое званиями почетного доктора богословия (Honoris Causa). Первым это звание присвоил Богословский факультет Салоникского университета им. Аристотеля в 1976 г., и в 1991 г. ему последовал богословский факультет Национального афинского университета им. Иоанна Каподистрии.

В настоящее время и в Афинах, и в Салониках все чаще издаются исследования и научные работы (кандидатские и докторские диссертации) на греческом языке о богословии и богословском наследии о. Думитру Станилое.

Источники и литература

1. *Бовдунов А. Л.* Великая Восточная Европа: Геополитика. Геософия. Третий традиционализм. М.: ЯСК, 2022. 480 с.
2. *Булгаков С. Н.* О Богочеловечестве. Невеста Агнца. Ч. 3. Париж: YMCA-Press, 1945. 625 с.
3. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Директ-Медиа, 2014. 1529 с.
4. *Булгаков С. Н., прот.* Евхаристия / Предисл. Н. А. Струве. М.: Русский путь; Paris: YMCA-Press, 2005. 208 с.
5. *Гаврилов И. Б.* Богословие истории преподобного Иустина (Поповича) в полемике с гуманизмом // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 4 (16). С. 10–34.
6. *Гаврилов И. Б.* Художник. Мыслитель. Пророк. 200-летний юбилей Ф. М. Достоевского на страницах изданий СПбДА: ретроспективный анализ и библиографический обзор // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (19). С. 258–276.
7. *Георгий Холбя, прот.* О выдающемся румынском богослове XX века протоиерее Думитру Станилоэ. URL: https://spbda.ru/publications/protoierey-georgiy-holbya-o-vydayuschemsya-rumynskom-bogoslove-hh-veka-protoieree-dumitru-staniloe/ (дата обращения: 13.02.2025).
8. *Гет И., Горноскуль Ю., Мельшин Е.* Дом с зеленой крышей. М.: Сеятель, 2022. 312 с.
9. *Димитров И.* Образ и подобие Божие в человеке в антропологии о. Думитру Станилоае // Материалы V Международной студенческой научно-богословской конференции Санкт-Петербургской православной духовной академии: сб. докл. СПб.: Изд-во СПбДА, 2013. С. 315–319.
10. *Дугин А. Г.* Ноомахия: войны ума. Неславянские горизонты Восточной Европы: песнь упыря и голос глубин. М.: Академический проект, 2018. 615 с.
11. *Иванов И., свящ.* Вопросы национальной идентичности в богословии протоиерея Думитру Станилое // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (13). С. 23–37.
12. *Иванов И., свящ.* О современном изучении богословского наследия профессора протоиерея Думитру Станилое // Христианское чтение. 2019. № 4. С. 34–41.
13. *Иванов И., свящ.* Религиозно-философское мировоззрение Ф. М. Достоевского в восприятии румынского мыслителя Никифора Крайника (1889–1972) // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 2 (14). С. 132–144.
14. *Ионеску Н.* Искушение метафизикой. М.: Тотенбург, 2021. 162 с.
15. *Ириней Лионский, св.* Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 672 с.
16. *Кодряну К. З.* Моим легионерам. Тамбов: Ex Nord Lux, 2009. 348 с.
17. *Кодряну К. З.* Тюремные записки. М.: Тотенбург, 2017. 150 с.
18. *Коман К., протопр.* Священник Думитру Станилоэ: переводчик, истолкователь и продолжатель святоотеческой традиции // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. Т. 1. М.: ПСТГУ, 2008. С. 73–81.

19. *Легеев М., свящ., Иванов И., свящ.* Протоиерей Думитру Станилое. История и троичность // Богословие истории в XX веке: Восток и Запад: монография / Под общ. ред. свящ. М. Легеева. СПб.: Изд-во СПбДА, 2023. С. 166–194.

20. *Медоваров М. В.* Исихазм и Империя: от Византии к России // Дамаскин: журнал Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 2 (43). С. 4–14.

21. *Медоваров М. В.* Политическое измерение исихазма в поздней Византии и в новейшей истории России // Развитие и экономика: научный и общественно-политический альманах. 2012. № 4 (сентябрь). С. 192–201.

22. *Миллер Ч.* Дар мира: введение в богословие Думитру Станилоае. М.: Изд-во ББИ, 2021. 182 с.

23. *Мутти К.* Мирча Элиаде и «Железная гвардия»: Румынские интеллектуалы в окружении «Легиона Михаила Архангела». М.: Тотенбург, 2020. 266 с.

24. *Патракова А. П.* Понятие соборности в трудах проф. свящ. Думитру Станилоае // Сретенские чтения. Материалы XXIII научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2017. С. 175–181.

25. *Патракова А. П.* Рецензия на книгу: Миллер Ч. Дар мира. Введение в богословие Думитру Станилоае // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. № 45. С. 172–181.

26. *Патракова А. П.* Свойства человеческой личности в богословской антропологии свящ. Думитру Станилоае // Сретенские чтения. Материалы XXIV научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018. С. 97–105.

27. *Плакида (Дезей), архим.* «Добротолюбие» и православная духовность. М.: ПСТГУ, 2006. 381 с.

28. *Резниченко И.* Естественная теология Думитру Станилоае // Acta Eruditorum. 2013. № 13. С. 31–35.

29. *Сима Х.* Легионерская доктрина. М.: Тотенбург, 2023. 262 с.

30. *Соболев А. В.* О русской философии. СПб.: Міръ, 2008. 496 с.

31. *Тарвердян Х., свящ.* Христос и Его Церковь в богословии Думитру Станилоэ // Регион и мир. 2020. Т. 11. № 3. С. 128–132. (На арм. яз.)

32. *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175.

33. *Blaga L.* Trilogia culturii. Bucureşti: Editura pentru Literatură Universală, 1969. 400 p.

34. *Blaga L.* Trilogia cunoaşterii. București: Humanitas, 2013. 650 p.

35. *Blaga L.* Trilogie cosmologica. Bucureşti: Humanitas, 1997. 518 p.

36. *Bogdan C.* Omorul serafic (II) Cazul Stăniloae. URL: https://revista22.ro/cultura/omorul-serafic-ii-cazul-stniloae (дата обращения: 10.01.2023).

37. *Codrescu R.* Cartea îndreptărilor. O perspectivă creştină asupra politicului. Bucureşti: Ed. Christiana, 2004. 192 p.

38. *Crainic N.* Sensul teologic al frumosului // Gândirea. 1932. XII. № 7–9. P. 311–319.

39. *Jones M.* Culture as Religion and Religion as Culture in the Philosophy of Lucian Blaga // Journal for the Study of Religions and Ideologies. December 2006. Vol 5, Issue 15. P. 66–87.

40. *Portaru M.* From Transubstantiation to Inner Liturgy. The Eucharistic Doctrine of Fr. Dumitru Stăniloae // St Vladimir's Theological Quarterly. 2022. T. 66. P. 73–104.

41. *Staniloae D.* Dumnezeiasca Euharistie // Telegraful roman. 1936. April 12. P. 3–4.

42. *Staniloae D.* Dumnezeiasca Euharistie în cele trei confesiuni // Ortodoxia. 1953. T. 5. P. 46–115.

43. *Staniloae D.* La liturgie de la communauté et la liturgie intérieure dans la vision philocalique // Contacts. 1982. № 120. P. 307–322.

44. *Staniloae D.* Poziţia domnului Lucian Blaga faţă de creştinism şi ortodoxie. Bucureşti: Paideia, 1993. 123 p.